

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЭСТОНИИ И ЭСТОНЦЕВ В ИЗДАНИИ
«ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ»

Магистерская работа
студента отделения
славянской филологии
Джулиано Гайетти

Научный руководитель –
проф. Л.Н. Киселева

Тарту 2020

Оглавление

Введение	3
Глава 1. История Эстонии в очерке «Балтийский край в историческом отношении» в «Живописной России»	8
1.1. Описание Эстонии периода до северных крестовых походов в «Живописной России»	8
1.2. Северные крестовые походы XII–XIII веков в описании «Живописной России»	11
1.3. XIII век: поле сражения между немцами и русскими в изображении «Живописной России»	15
1.4. Политика Ивана III и Ивана IV: концепция единой России и Ливонская война в «Живописной России»	20
1.5. Северная война: ее предпосылки и «последний акт судьбы Прибалтики».	27
1.6. Итоги исторической главы.....	34
1.7. Иллюстрации к первому очерку	37
Глава 2. Становление концепции этнографических исследований в России XIX в. и описание эстонцев в «Живописной России»	40
2.1. Программа К. М. Бэра.....	44
2.2. Программа Н. И. Надеждина.....	47
2.3. Программа РГО.....	48
2.4. Этнографические свидетельства о коренных жителях края в «Живописной России».....	50
Глава 3. Современное состояние эстонского края в описании «Живописной России»	54
3.1. Крестьянский вопрос в Остзейских губерниях	54
3.2. Современные эстонцы в «Живописной России»	61
3.3. Эстонские города в «Живописной России»	65
Заключение	74
Список использованной литературы	76
Summary	79

ВВЕДЕНИЕ

Целью данной работы является изучение конструирования образа Эстонии и эстонцев на материале тома «Северо-Западные окраины России: Прибалтийский край» коллективного этнографического труда «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (т. 2, ч. 2), издававшегося в России во второй половине XIX в.

«Живописная Россия» - 19-томное издание, начатое М. О. Вольфом в 70-х годах XIX века (издано в 1881—1901 гг.). В подготовке участвовали деятели «Русского географического общества», созданного с целью сбора и распространения достоверных географических сведений; в рамках Общества было основано и этнографическое отделение. Намерением изучаемого издания являлось, с одной стороны, описание всех административных единиц Российской империи, с предоставлением этнографической, исторической, статистической, экономической информации. С другой стороны, оно предполагало создание «ментальной карты» каждой территории, с попыткой формирования у читателя специфического образа описанного объекта, который включал и определенной образ той или иной национальной или этнической группы. Такое описание можно назвать «конструированием образа». Во второй части второго тома «Живописной России» конструируется образ эстонцев.

Территория современного государства Эстонии в этот период являлась частью Российской империи и была разделена между Эстляндской (северная Эстония с островом Даго/Хийумаа) и Лифляндской губерниями (южная Эстония вместе с островом Эзелем/Саарамаа и современной северной Латвией). С добавлением Курляндской губернии, Эстляндия и Лифляндия образовали Прибалтийский, или Остзейский край.

Наша работа заключается в подробном анализе некоторых очерков «Живописной России», чтобы определить, как изображены эстонцы и Эстония, и какую идею авторы преследуют в изображении их и их роли в Российской империи во второй половине XIX в. Для этого необходимо проанализировать идеологический контекст, в котором было опубликовано это издание, проблему русского национализма и государственной политики Российской империи в конце XIX века.

Первый очерк анализируемого тома «Балтийский край в историческом отношении» в моем понимании является особенно значимым для конструирования образа Эстонии и эстонского народа, потому что, с одной стороны, именно здесь возможно выделить начало процесса конструирования этого образа внутри издания с целью трансляции его широкой общественности Российской империи. Как мы попытаемся показать, закрепление определенного образа в коллективном сознании было возможно благодаря особой точке

зрения на историю. С другой стороны, и сам процесс создания национальной идентичности укоренен в интерпретации прошлого. Связанные с этим процессом современные нации и нации раннего Нового времени могли отождествлять себя с древними народами и использовать общее прошлое, чтобы поддержать ту или иную современную идеологию.

С развитием модернизации идея национальной идентичности стала значимой частью в культурной и политической сферах. Развитие грамотности и образования способствовало росту числа читателей, и литературные издания стали доступны широкой публике, как доказал Б. Андерсон в работе «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» [Anderson 1991 (1983)]. Посредством печатанного текста различные идеи могли фиксироваться в массовом сознании. Они могли буквально *создать* образ национального прошлого и образ нации. Следует иметь в виду, что сконструированный образ всегда меняет объект согласно определенным факторам.

Я постараюсь показать, что в «Живописной России» основная идея ее авторов и составителей включена в описание истории Эстонии и ее народа. Сквозь это описание мы видим попытку Российского государства создать тот образ эстонской идентичности, который не противоречит официальной русской политике. Эстонцы были показаны в тексте как лояльные подданные Российской империи. Тем не менее, как будет продемонстрировано далее, авторы не поддерживали идеи полной русификации эстонского народа, их цель состояла в поддержании идеи сохранения эстонцев как органической части империи. Также авторы не были сторонниками радикальной идеологии русских националистов и дали возможность эстонскому национальному характеру проявиться в своем тексте. По их мнению, место эстонцев было в составе Российской империи в качестве подданных, а их политические запросы могли быть использованы, чтобы уменьшить политические привилегии прибалтийских немцев. В тексте «Живописной России» древней народ чужь стали пра-эстонцами, с которыми сопоставлялись современные эстонцы. Предпосылки этой идентификации можно увидеть в описании истории этих земель, несмотря на то, что территория Эстонии в течение веков была разделена между различными державами (такими как Ливонский Орден, Дания, Швеция, Речь Посполитая) и с XIII века испытала сильное влияние немецкой культуры. Известно, что потомки немецких колонизаторов и крестоносцев, прибывших сюда в конце XII века, составляли большинство местной элиты в прибалтийских землях с XIII до XX века. Они действительно позволили Эстонии «войти в историю», в отличие от номинального господства восточнославянских княжеств в IX и X веках. Однако задача «Живописной России» была представить немцев в качестве отдельной элиты, власть которой угнетала «туземцев».

Как известно, в процессе национального строительства важную роль играет конструирование образа врага. В «Живописной России» прибалтийско-немецкие землевладельцы (остзейцы) представлены врагами эстонской нации, поскольку они были прямыми потомками первых немецких поселенцев. Более того, в «Живописной России» был построен не только образ Эстонии, но и образ России как единого целого.

Исследуемый нами том вышел в свет в 1883 г. Как известно, в этот период проблема национальной и имперской идентичности занимали важную часть политической дискуссии. Одновременно этнография развивалась как новое направление науки. С одной стороны, ее достижения использовались, чтобы популяризировать знания о разных народах, нациях и этносах, живущих на территории Российской империи [Иванова 2011: 3]. Однако, с другой стороны, можно сказать, что этнография часто использовалась в идеологических целях [Киселева 2009: 15]. В основном это были две разные концепции империи - моноэтничного и многоэтничного государства. Вторая подчеркивала положение русской нации как титульной среди множества других наций. Разнообразие народов оценивалось положительно, однако при неременной их лояльности российскому правительству [Иванова 2011: 3].

Центром развития русской этнографии стала Петербургская Академия Наук, и благодаря ей в 1845 году было основано Русское Географическое общество, с 28 декабря 1849 года переименованное в Императорское Русское Географическое Общество. Внутри Общества его вице-председатель Петр Петрович Семенов (впоследствии: Семенов-Тянь-Шанский) развивал идею издания «Живописной России». Он хотел создать «уютный, карманный бедкер», где русское интеллигентное общество сможет узнать о «России во всей ее величавой пространственности. О всех ее морях, реках, горах, о всех степных и лесных привольях. О всех губерниях, уездах, волостях, о всех племенах ее населяющих, об их истории, занятиях, обычаях, религиях, законах» (цит. по [Иванова 2011: 6]). Однако в результате издание превратилось в многотомное и стало попыткой создания своего рода энциклопедии. По мнению анонимного книговеда, который исследовал «Живописную Россию» в качестве антикварного издания [Б/А Библиофильское издание 2008], намерение написать ее возникло, в первую очередь, по инициативе издателя М. О. Вольфа. Именно для этого было приглашено большое число лучших ученых, писателей и художников [Иванова 2011: 6], и в издании были собраны труды более 400 ученых. Среди них в качестве создателей очерков выступали заслуженные ученые и писатели, но наравне с ними в «Живописной России» печатались очерки и совершенно неизвестных людей, поэтому точный список авторов отсутствует.

Дискурс издания отличается в разных частях и секциях, так как был адресован широкому читателю, а не специализированной аудитории. Иллюстрации (фотографии, рисунки и

картины) также помогают читателям воспринимать текст и информацию. Каждый том имеет уникальную структуру, и интересующий меня том состоит из следующих структурных компонентов: 1) история края, 2) коренное население, 3) описание местности, 4) промышленность, 5) важнейшие города, 6) торговля, 7) общий географическо-статистический обзор края. Как уже говорилось, цель «Живописной России» - представить этнографические описания жителей губерний широкой публике. Важно заметить при этом, что эти описания не являются нейтральными. Посредством их можно рассматривать процесс конструирования образа нетитульных наций подходящим для политики российского правительства образом. Это, в частности, очевидно в случае прибалтийских губерний, где в последние десятилетия XIX века развивались разные национальные движения (эстонское, латышское, немецкое, русское). Этот регион оценивался как «один их самих европейских частей империи», и здесь немецкое меньшинство имело много привилегий [Киселева 2009: 18]. Прибалтийские немцы были верными подданными империи, однако после объединения Германии в 1871 году и усиления германского национализма российское государство опасалось, что ситуация могла быстро измениться и внутри Российской империи. Вследствие этого, описание народов, живущих в Прибалтике, имело конкретную идеологическую цель – показать коренные народы в качестве лояльных подданных, с которыми русские имели долгосрочные дружественные отношения. Остзейские немцы в рамках этого описания, наоборот, играли роль врагов эстонцев и латышей. С одной стороны, для авторов было важно сблизить коренных жителей Российской империи, чтобы подчеркнуть глубокие исторические связи и культурные сходства между русским и местными народами (в нашем случае – русскими и эстонцами). С другой стороны, были представлены многочисленные исторические факты, выявляющие причину враждебности «туземцев» к немцам. Издание было адресовано не только образованной части российского общества, но и образованной элите коренных народов соответствующих губерний.

Данная работа состоит из трех глав. Каждая из них анализирует конструирование образа эстонцев и Эстонии с определенной зрения.

Первая глава «История Эстонии в очерке «Балтийский край в историческом отношении» в «Живописной России» изучает описание истории Эстонии по первому очерку тома «Северо-Западные окраины России: Прибалтийский край» в «Живописной России», в контексте общей истории Прибалтийского края. Данная история начинается, согласно авторам, с первых упоминаний термина «Aesti» в античную эпоху, когда по их теории уже жили так называемые древние эсты. Затем они уже упоминались в качестве платящих дань первым восточнославянским князям. Отождествление первых восточнославянских князей с предками современных авторов русскими правителями способствовало распространению взгляда на

эстонцев как на естественных подданных России. Таким образом, последующее завоевание Эстонии германскими крестоносцами представляется как столкновение между русскими владыками и вновь прибывшими, и немцы рисуются как образ врага коренного народа, который категорически выступает против христианизации, в то время как русские представлены как сторонники местных жителей.

Во второй главе «Становление концепции этнографических исследований в России XIX в. и описание эстонцев в «Живописной России»» проанализирован третий очерк, который является наиболее этнографическим. Для его понимания были рассмотрены ведущие этнографические концепции в России XIX века - программы К.М. Бэра и Н. И. Надеждина, которые являлись основополагающими для «Живописной России». Согласно этим программам, объектом этнографии должен быть простой народ, в котором можно найти самые «чистые черты» национальных типов. В интересующем нас томе исследование народного характера коренных жителей основано на противопоставлении двух коренных народов – эстонцев и латышей. В этом сравнении латыши играют роль «своего чужого», т.к., по мнению авторов «Живописной России», латыши более похожи на русских, чем эстонцы.

В третьей главе «Современное состояние эстонского края в описании «Живописной России»» проанализированы части трех разных очерков («Коренное население края», «Крестьяне в Прибалтийском крае», «Важнейшие города Прибалтийского края») с целью выявить образ эстонского народа и Эстонии второй половины XIX века, современной эпохе «Живописной России». Тогда эстонский народ почти полностью состоял из крестьян, и его состояние показано очень подробно: от тотального рабства и нищеты под властью немецких землевладельцев до частичных реформ 1819 года, которые теоретически гарантировали личную свободу крестьян. В этом контексте выделяется крестьянское движение, которое с 1840-х годов сочетало в себе социальное недовольство с желанием религиозного обращения в православие. Мы проанализировали описание современных эстонцев, которые показаны почти схожими с их древними предками, хотя и подчеркивается положительная роль образования, поддерживаемого русскими. Главной и неизменной чертой эстонцев остаются антинемецкие настроения. Национальное пробуждение как эстонцев, так и латышей приветствуется на страницах «Живописной России». Обсуждается и проблема германизации коренных жителей. Завершает картину современного состояния края описание двух эстонских городов - Таллинна (Ревеля и Тарту (Дерпта)). Особое внимание имеет описание Дерптского университета Дерпта, причем его немецкий характер не подчеркивается, хотя большинство ученых были тогда балтийскими немцами.

В Заключении подведены итоги работы.

ГЛАВА 1

История Эстонии в очерке «Балтийский край в историческом отношении» в «Живописной России»

1.1. Описание Эстонии периода до северных крестовых походов в «Живописной России»

«Очерк 1. Балтийский край в историческом отношении» в издании второй части второго тома «Живописной России» не имеет строгого разделения на хронологические периоды. В нем анализируются исторические события на территории восточного и южного берегов Балтийского моря, начиная с доисторических времен, через северные крестовые походы, Реформацию, Ливонскую войну до создания Российской империи в 1721 году. Тем не менее, возможно установить первый хронологический период: от доисторических времен до XI века - начала Северных крестовых походов. Следует подчеркнуть, что Северные крестовые походы, в которых участвовали разные исторические деятели, заслуживают отдельного описания.

Цель изображения первого периода, согласно авторам, представить древнее население Эстонии как неорганизованные группы племен, внутри которых чувство этнической принадлежности не было особенно развитым. Такие племена, называемые «чудью», показаны в «Живописной России» как «естественные» подданные русских князей с XI века в центральной в южной Эстонии. Племена же северной Эстонии того времени описаны как подданные короля Дании. Христианизация не представляется ключевым фактором в подчинении данных земель восточными славянами и датчанами. Напротив, более важными причинами можно считать дань, платимую южной отраслью чуди, и необходимость положить конец морским набегам северной чуди. Обе эти причины имеют для авторов значение в контексте развития более организованных обществ в X-XI веках в восточнославянских княжествах и скандинавских королевствах.

Авторы информируют, что первые письменные упоминания об обитателях Балтийского региона были представлены римским историком Тацитом. Именно им написан около 98 г. н. э. историко-этнографический трактат «О происхождении и местоположении германцев», также известный как «Германия». В этом трактате он описывает обычаи и традиции германских племен, начиная с народов, живущих на римских границах, до племен, живущих на побережье Балтийского моря.

Среди последних существовал и народ «Æstii», который собирал янтарь [Tacitus: 45] и

торговал им с римлянами. Историк не был уверен в их этнической принадлежности, поскольку по обычаям они были близки к племени «суэби», а по языку больше походили на британцев. Торговля янтарем осуществлялась по «янтарной дороге» - комплексу торговых путей, которые соединяли балтийские берега с регионами Средиземноморья и использовались с доисторических времен. Название «*Æstii*» по звучанию и форме сходно с современным названием эстонского народа («*eesti*») но скорее всего, Тацит описал другие прибалтийские племена, возможно, пруссов [Wojtar 1999: 104], которые в тот период жили на более обширных территориях, чем потом в эпоху Средневековья.

Тацит также упоминает венедов и феннов [Tacitus: 46]. Этническая принадлежность венедов до сих пор является предметом обсуждения ученых [Wojtar 1999: 85–86]. В частности, общие корни названия венедов найдены на территории от Северной Польши до Адриатического побережья Италии. Фенны, согласно теории Мартти Хаавио, могут быть идентифицированы как предки финских народов, а этимология их названия может быть связана с древнескандинавским корнем глагола со значением «найти» [Haavio 2015: 88], обозначающим стиль жизни данных племен как охотников и собирателей. Германское название народов Балтийского региона происходит, вероятно, от упоминаний в скандинавских сагах.

Названия «венедов» и «феннов» относятся также к жителям региона вдоль реки Виндавы (ныне Вента в Литве). К востоку от реки располагались фенны, а к западу - «венеды». Возможно, венеды были сходны по языку с литовскими племенами, хотя в последующих исследованиях северо-вендская культура рассматривается как про-западнославянская.

Об этимологии слова «финны» авторы «Живописной России» отмечают, что это слово имеет германский корень и означает «жители болотистых мест». Славянские народы упоминали их под тем же названием, что и «чудь». Как известно, племя *чудь* было впервые описано монахом Нестором в «Повести временных лет», датированной первой половиной XII века. Этим названием обозначалось несколько финно-язычных племен на территориях современной Эстонии, северо-западной России и южной Финляндии. Племена чуди селились по берегам озера *Peipsi*, которое в связи с этим известно на русском языке как Чудское озеро. Переселение славянских племен в Балтийский регион происходило в течение V-VI вв. [Казекамп 2014: 23] и привело к основанию первых городов на западе России, таких, как Новгород, Псков и Полоцк.

В «Живописной России» чудь описана в качестве совокупности племен, которые имели одно общее наименование. Напротив, жизнь славян, по указаниям авторов «Живописной России», в тот же самый период, то есть в IX веке, была организована по городскому типу. Как представляется, племена чуди различались в зависимости от того, кому они платили дань.

Первоначально чудские племена платили дань варягам (скандинавам), что свидетельствует об их подчиненном положении. Это является самым важным аргументом для авторов «Живописной России» для доказательства того, что племена чуди никогда не были независимыми и до подчинения восточным славянам. Именно чудь в согласии с новгородцами, по легенде, позвали варягов владеть ими. Чудь, по мнению «Живописной России», платили дань уже первым русским князьям. Можно заметить, что авторы приравнивают варяжских князей Новгорода начала X века к более поздним русским князьям. Тем не менее, на самом деле два этих термина относятся к различным политическим сущностям и историческим этногруппам, которые не могут полностью совпадать. Ради того, чтобы увеличить сбор дани, новгородский князь Ярослав Мудрый основал город Юрьев в 1030 году на территории чуди [ЖР: 132]. В «Живописной России» не описаны конфликты, предшествовавшие основанию города, как не описаны и более ранние места поселения финно-угорских племен или их городища.

Соответственно, основание городищ в современной южной и центральной Эстонии ставится в заслугу исключительно восточным славянам. Чудь представлена в «Живописной России» как подданные и никогда - как полностью независимые племена. Таким образом, чудь кажется естественными подданными княжеств, которые станут впоследствии основой для Российского государства. «Живописная Россия» не дает подробной информации о попытках христианизации чуди славянами. Примечательно, что основание Юрьева происходило до «великой схизмы», раскола между западной и восточной церквями. Значимость дани и владения этими землями была связана с контролем над торговыми путями с Востока на Запад, за которые конкурировали восточнославянские княжества.

Граница чудских племен, плативших дань к Новгороду, была у реки Эмба (Эмайыги). Такие племена чуди, которые не были подданными славянских князей, около середины XI века были покорены датским королем Кнудом Великим. Датчане завоевали племена чуди, которые селились за рекой Эмба.

Важно помнить, что исторические отношения между скандинавками и чудью восходят к дописьменным временам и описываются в скандинавских сагах [Казекамп 2014: 26], записанных около XII века и часто ссылающихся на предыдущие устные повествования. Чудь, обитавшая в Северной Эстонии, и жители острова Саарема имеют больше культурного сходства со скандинавскими викингами, потому что на протяжении веков они привыкли организовывать пиратские рейды в прибрежных районах вокруг Балтийского моря. Авторы «Живописной России» придают важность этому факту как причине их завоевания датским королем. Именно чтобы прекратить набеги датский король Кнут IV Святой между 1080-1086 годами последовательно завоевывал земли Семигалии и Курляндии.

Можно предположить, что ключевым фактором в завоевании чуди датчанами являлась христианизация скандинавских народов [Казекамп 2014: 29]. Перед христианизацией датчане имели образ жизни, подобный северной чуди, они также совершали морские рейды и грабежи. Постепенно и особенно после официального обращения датчан в христианство во второй половине X века они изменили свой образ жизни, и началась организация их общества в более структурированное королевство. Это позволило датскому королю начать процесс расширения территории за счет соседних земель, и ему нужно было предотвратить подобные рейды со стороны чуди.

Описание Эстонии до северных крестовых походов в «Живописной России» возвращает читателей к идее разделения территории между политическим влиянием славянских князей и датского короля. По-видимому, с точки зрения авторов, «туземцы» не играли особенной роли и не имели общей идентичности. Существование славянских княжеств показано как важный фактор в перспективе воссоединения этих территорий с будущей Российской империей, поскольку коренные народы с самого начала изображаются в издании как «естественные подданные».

1.2. Северные крестовые походы XII–XIII веков в описании «Живописной России»

Северные крестовые походы и события, с ними связанные, привели к значительным изменениям в политической и культурной жизни жителей балтийских земель. Этот период отмечается в «Живописной России» как значимый для судьбы балтийских территорий [ЖР: 132]. В XIII веке политически и территориально оформились пространства под названиями Эстляндия и Лифляндия. Немцы, а именно купцы, миссионеры, рыцари духовных орденов обозначили свое активное присутствие в этом районе. Здесь они впоследствии стали одной из местных доминирующих сил, и славянские княжества будут бороться против них за территории.

Как известно, в последние десятилетия XII века, чудь и балтийские племена были последними язычниками в Европе, хотя в Юрьеве уже была построена Ярославом Мудрым православная церковь, имелись и другие церкви в землях, принадлежавшим славянским княжествам [Казекамп 2014: 30]. В «Живописной России» именно Ярослав Мудрый указан как «ревностный строитель храмов», но православная церковь того периода, как кажется, не разделала миссионерского пыла западного христианства [ЖР: 132]. Тот факт, что местные жители были главным образом язычниками, не доставляло беспокойства славянским княжествам до тех пор, пока чудь продолжала платить им дань. Идея принудительного обращения этих людей в православную веру в то время не стояла на повестке дня. Тем не

менее возможность использовать религию как способ достижения политических целей уже была известна и применялась на Западе.

Понятие «крестового похода» (буквально «похода под знаком креста») подразумевало военные экспедиции против врагов веры как способ распространения христианства. Святое право сражаться с неверными, язычниками было той идеей, которая благодаря различным теологам развивалась на протяжении веков в лоне западного христианства. Во-первых, примененное в Святой Земле в XI веке, чтобы защитить паломников, оно нашло четкое определение в трудах Бернарда Клервоского. Согласно каноническому закону, было запрещено обращать людей в христианство насильно, но как только бывшие язычники крестились по своей воле и впоследствии отвергли веру, они юридически становились отступниками от власти Папы Римского [Tulerman 2009: 689–690]. Против таких изменников насилие было позволено, потому что они сами сознательно перешли на сторону Зла, Дьявола, а в борьбе против Зла никакая милость не рассматривалась, и все средства были хороши. Чтобы оправдать таким образом крестовые походы на восточно-балтийских землях, Папа Иннокентий III упомянул историю, связанную с Мейнхардом, августинским монахом фон Зегебергом в Гольштейне. Последний прибыл в земли чуди в устье реки Даугава вместе с немецкими купцами с целью обращения коренных жителей в христианство. «Живописная Россия» сообщает о том, что Мейнхард как «истинный немец» обратился к князю Полоцкому, который владел этой землей в то время, с просьбой об официальном разрешении приехать для создания новой (католической) церкви [ЖР: 132]. Правители Полоцкого княжества оказались благосклонными к прибытию Мейнхарда и позволили ему приехать на свои территории, предвкушая к тому же крупные платежи. В тексте подчеркивается могущество князя, который рассматривался как официальный правитель чудских земель.

Данная территория (устье реки Даугавы, известной также как Двина) была заселена финским племенем ливов, которое авторы «Живописной России» не дифференцировали от чуди. Ливы (др.-рус. ливь) были первым племенем, с которым немцы встретились и в связи с чем начали называть эту территорию «Ливония» [Казекамп 2014: 33]. Этот факт является существенным, поскольку он дает точку отсчета в историографическом описании края и в «Живописной России». Ливонией стали именовать все земли, которые находились к югу от территорий, завоеванных датчанами. Земли же, захваченные датчанами с конца XII - начала XIII веков, стали известными как Эстланд в немецком и как Эстляндия в русском языках. Здесь авторы «Живописной России» впервые используют в своем историческом очерке слово «Эстляндия» в этом значении [ЖР: 135]. Идея Эстонии как земли эстонского народа с четкими границами в этом описании отсутствует. Согласно Э. Кристиансену, в то время существовало три племени лив/ ливов и пятнадцать или шестнадцать эстонских племен [Christiansen 1997: 40-

41]. Этим понятием Кристиансен обозначает объединение обществ или федерацию финских племен, связанных одной культурой и языком. С этим же понятием можно было бы частично соотнести и русское слово «чудь». Эти племена образовывали независимые союзы, которые иногда могли быть сплоченными [Казекамп 2014: 24]. Хотя «Живописная Россия» уже начала различать народы чудской земли, поскольку мы впервые нашли на ее страницах «ливов» [ЖР: 134] и «эстов» [ЖР: 135]. Следуя «Живописной России» в использовании этих слов, я считаю полезным поразмышлять о лингвистических последствиях использования этих названий в процессе становления образа эстонского народа и Эстонии в этом издании.

История этнонимов является фундаментальной частью процесса построения образа народов, которые эти этнонимы обозначают. Процесс наименования отдельного человека глубоко укореняется в его самоидентификации. То же самое касается и самоидентификации всего народа и нации. Таким образом, исследование слова «эсты» играет значительную роль в построении образа эстонского народа как самостоятельной этнической группы. Ассоциировалось ли слово «Aesti» у Тацита с народом, который немецкие крестоносцы и колонисты встретили в XII веке на юго-востоке балтийских земель, пока не известно. Так или иначе «Живописная Россия» упоминала то же слово Тацита. Существуют дополнительные упоминания о термине «Aesti» или «эсти» (латинская буква «ae» стала впоследствии «э») в иных исторических источниках: например, в работах византийского историка Иордана в VI веке н. э. и в хрониках Адама Бременского в XI веке. Адам Бременский ссылался на Эйнхарда, который в «Vita Karoli Magni» писал: «славяне и аесты живут на берегах Восточного моря» и обозначал прибрежное племя как «Haisti», а территории современной Эстонии как «Aestland» [Vojtar 1999: 104].

Исследуемое нами издание дает информацию об этих событиях по первому немецкому письменному источнику - «Хронике Генриха Латвийского», написанной на латинском языке немецким монахом Генрихом (на латыни «Henricus Livoniae»). Данная хроника считается первым письменным источником об истории современных Эстонии и Латвии [Казекамп 2014: 32]. Речь идет, конечно же, о точке зрения немецких крестоносцев и колонистов и не отражает представления местного населения. Параллельно с «Хроникой Генриха Латвийского» следует упомянуть «Ливонскую рифмованную хронику» написанную неизвестным автором на верхненемецком языке. Она покрывает период с 1180 до 1290. Там описаны разные финские племена, с которыми встретились немцы. Среди последних были и «Eisten» [LR: 56]. Значение этого слова может быть связано с немецким словом «Ost» для обозначения «востока», хотя возможно это лишь пример народной этимологии. Впрочем, если встать на эту позицию, слово «Eisten», вероятно, ассоциировалось со словом «восточное», то есть «восточное побережье моря». Восточное побережье моря следует

понимать с точки зрения немецких моряков, которые плавали от устья Вислы, от Вислинской (Балтийской) косы до Финского залива [Vojtar 1999: 105]. Это стало причиной немецкого названия Балтийского моря «Ostsee», т.е. «Восточное море». Слово «Aesti» затем обозначало более восточных эстонцев, с которыми немцы имели связи, самое позднее с I века до н. э. Такие племена не имели, насколько нам известно, никакого общего названия кроме «maarahvas» со значением «народ земли или почвы». Этнонимы народов, которые связаны с почвой, тем не менее вполне распространены в разных культурах мира. Эта является общей мифологической темой об автохтонности какого-либо народа, с древнегреческого буквально «autos» со значением «сам» и «khthōn» как «почва, земля».

Такое представление связано с популярной теорией, представляющей «Мать-Землю» как богиню в античных европейских культурах и культах, следовательно, «народ почвы» может быть связан с этими культами. Название «maarahvas» предшествовало полному немецкому захвату, поэтому его не следует рассматривать как доказательство прото-эстонского народа как народа, который состоял только из крестьян и людей, живущих натуральным хозяйством. В русском языке, как было сказано выше, чужь представлена как объединение финских племен на Балтийской территории, но впоследствии в тексте «Живописной России» они превратились в «эстов». Это позволяет перевести «эстов» как про-эстонцев. В многотомном «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», выдающейся энциклопедии на русском языке, издававшейся в 1890–1907 годах, написано, что «эсты» - коренные жители балтийских земель, известные в древних хрониках как «чужь», однако это название было также распространено в разных финских племенах, потому что предки эстонцев назвали себя «дети Земли» [Энциклопедический словарь 1904: 126–127]. В описании «Живописной России» чужь превращается в эстов с момента немецкой колонизации XIII века, в дальнейшем они будут называться эстонцами или просто «местными людьми», чтобы подчеркнуть различие между ними, немцами и русскими.

Будем придерживаться текста издания в использовании терминологии в качестве описания эстов, а впоследствии эстонцев. Полное совпадение эстов (с древних времен или времен Средневековья) с эстонцами как самостоятельной этнической группой произошло только в 1857 году, в эпоху национального возрождения [Казекамп 2014: 130], когда вместо «maarahvas» местные люди стали называться «Eesti rahvas», что переводится как эстонцы.

Такой процесс становления понятия проистекает из ретроспективного взгляда на древние народы, которые показаны как прямые предки современных. Вероятно, подобный процесс мы наблюдаем и в переносе образа Российской империи XIX века на самостоятельные и разнообразные славянские княжества IX-X веков. С одной стороны, такая связь основана на общем языке, а также на этническом и культурном сходстве между людьми ранних княжеств

и современной империи. С другой стороны, при использовании этого сходства в особенных политических целях любым современным государством, оно демонстрирует свои слабые стороны и противоречия.

Вернемся к историческому очерку «Живописной России». Внимание читателя привлечено к детальным описаниям следующих фактов. Первоначально ливы согласились принять крещение в обмен на получение военных технологий. Несмотря на это, они не перестали поклоняться своему политеистическому пантеону и даже после крещения свершали обряд перехода обратно в язычество в водах Даугавы [ЖР: 133]. Затем они выслали христиан и Мейнхарда. Следовательно, с точки зрения немцев, ливы стали «отступниками», и дальнейшие войны против них были позволены по закону. Поэтому войска немцев и их западных союзников прибыли на ливскую территорию, захватили туземцев и основали поселение под названием Рига (1201 г.) и рижское епископство. Первым епископом Риги стал немецкий церковнослужитель Альберт. Ему нужна была помощь постоянной армии, чтобы защищать новое поселение, куда многочисленные западные трейдеры начали переселяться благодаря его географическому положению. Именно через Ригу пролегла для них новая торговая дорога на Восток. В соответствии с папской буллой в 1202 году был основан католический духовно-рыцарский орден «Fratres Militiae Christi Livoniae», известный на русском языке как Орден меченосцев, потому что на их печати был изображен меч. Это стало официальным началом Балтийских крестовых походов. В «Живописной России» эти военные походы против язычников-эстов представлены как законные, возглавленные епископом Альбертом, и даже поддержанные славянским князем Полоцким, потому что эсты прекратили платить ему дань. Епископ Альберт начал воевать против них в первых десятилетиях XIII века. Затем немцы, появившиеся на балтийских землях, будут изображены как самые главные антагонисты славянских княжеств в течение трех столетий (до тех пор, пока в этой роли их временно не заменили шведы в XVII веке).

1.3. XIII век: поле сражения между немцами и русскими в изображении «Живописной России»

Историческая часть «Живописной России» обращает значительное внимание на XIII век в связи с тем, что события этого века считаются особо важными в противостоянии немцев и русских в Балтийском регионе. В данном издании эстонский народ еще не наделен определенными чертами, однако местные люди показаны как враги немцев. Именно эти последние, начиная с этого периода, становились феодалами. Напротив, коренные народы становились слугами и крестьянами в немецких владениях.

В конце XII века почти все города восточнославянских княжеств были фактически независимыми [Уортман 2004: I, 45]. Они не имели никакой общей политической стратегии, основанной на долгосрочных целях. Их действия можно рассматривать как оппортунистические, поскольку один раз русские сражались на стороне эстонцев, а другой раз вместе с крестоносцами (например, в 1207 году [Казекамп 2014: 35]). В 1206 году князь Владимир Полоцкий воевал против Ордена меченосцев, чтобы снова получать свою дань от ливов, но безуспешно. После этого, потеряв власть над ливами и латгалами, князья Новгорода и Пскова начали более активно действовать на территории Ливонии [Казекамп 2014: 35]. Епископ Альберт воевал в то время прямо на землях Полоцкого княжества, и, согласно «Живописной России», князь Полоцкий не мог ожидать никакой военной помощи со стороны других русских князей, потому что они были всегда врагами [ЖР: 134].

С точки зрения авторов «Живописной России», нападение меченосцев раскрывало исторический контекст, в котором немцы вторгались в русские земли [ЖР: 134]. Это был конфликт за право собирать дань. Впрочем, в немецкой «Ливонской рифмованной хронике» сами немцы «не просили никакого разрешения» у русских, чтобы приехать внутрь чудских земель, однако признано, что ливы, латыши и сэлоны были в то время под властью русских (в отличие от эстов) [LR: 77]. В данной хронике русские показаны как «вероломные» [LR: 77], если не как еретики. Альберт смог их победить, потому что ему постоянно помогали отряды, приезжавшие из крупных немецких замков. Политическая слабость русских князей заключалась в том, что они были разобщены и не имели единой внешней политики [ЖР: 134].

В том, что касается немцев, несмотря на тот факт, что Орден меченосцев был под властью епископа, рыцари и епископ столкнулись с внутренними междоусобными конфликтами. На страницах «Живописной России» [ЖР: 135] эти конфликты рассматриваются как основная причина невозможности для немцев установить полный контроль над землей чуди. Таким образом, Альберту не удалось покорить язычников-эстов, а русские победили на территории города Юрьева, и Альберт решил отдать Эстляндию (северную часть Эстонии) могущественному королю Дании Вольдемару II [ЖР: 135]. Датчане подчинили эти земли уже в XI веке, однако недолго сохраняли там свое превосходство. В XIII веке они хотели также расширить свои владения за счет земель, занятых немцами.

Чтобы не подчиняться датчанам, епископ позвал на помощь Папу и Священную Римскую империю. Папа позволил Ордену выгнать датчан. Одновременно с датским нападением на Эстляндию Альберт снова атаковал русскую часть чудской земли. Он захватил в 1224 году Юрьев, которым в тот период владел князь Вячеслав. На его территорию рассчитывали как на оплот против немцев [ЖР: 135]. Немцы, казалось, были раздражены враждебными

действиями Вячеслава, поэтому они решили не заканчивать осаду, пока не захватят и не смогут уничтожить его город [ЖР: 135]. Таким образом видно, что возрастающая враждебность немцев по отношению к русским приводит, с точки зрения авторов «Живописной России», к конструированию образа двух взаимных врагов: немцев и русских. Конструирование и формирование образа врага осуществляется с акцентом на немецкую жестокость, поскольку немцы убили всех жителей Юрьева, кроме одного, который был послан в Новгород, чтобы сообщить о военном успехе немцев [ЖР: 135]. Это свидетельствует о том, что они были безжалостными и злыми. Две данные стороны окажутся противопоставлены друг другу. Так как славянские княжества имели внутренние конфликты, в описании «Живописной России» такие же конфликты между собой испытывали и меченосцы. В том, что касается туземных народов в этой ситуации, текст информации не дает.

Авторы «Живописной России» также обращают внимание на конфликты внутри одного города. В Новгороде князья постоянно сражались с народом, и в тот момент, когда Юрьеву требовалась военная помощь, внутренние столкновения в Новгороде не позволили обеспечить поддержку другому городу [ЖР: 135]. По большому счету, в «Живописной России» следующие победы рыцарей в Ливонии были объяснены, с одной стороны, внутренними потрясениями в русских княжествах, а, с другой стороны, твердостью и единодушием немцев в достижении их цели. Таким образом, риторика создания образа внутреннего врага как средства объяснения причин поражения и военных потерь активно используется авторами в процессе конструирования национальной идентичности (в данном случае, и русской).

В этот период монолитное противопоставление между русскими и немцами не имело места, потому что рыцари в «*Terra Mariana*» (историческое название Ливонии на латинском) не были частью концепции единой Германии. Согласно их хронике, они представили себя прежде всего в качестве «рыцарей Бога» [LR: 73], воюющих за христианство. В действительности они были преимущественно немцами, однако их идея была бороться за западную христианскую Европу. Бинарный контраст национальных групп используется в большей степени в формировании образа врага, когда речь идет о XIX веке, а не XIII-ом. Восточные славянские княжества не формировали единого русского государства, в то время как Великое княжество Литовское в XIII веке играло важную политическую роль на территориях, в которых продвинулись славянских княжества.

В тексте «Живописной России» делается большой акцент на войне 1231 года, когда новгородский князь Ярослав победил немцев под Юрьевом. Ярослав принуждал немцев заключить мир, платить дань ему и им преемникам [ЖР: 136]. Это вынужденный договор

был использован Иваном Грозным как повод при покорении Ливонии.

Затем в историческом описании XIII века в «Живописной России» войны между немцами и славянскими князьями отмечаются, и последнее всегда называется русскими [ЖР: 136]. В 1236 году в битве при Сауле языческие жемайты и земгалы одержали победу над братьями-меченосцами, и они с тех пор стали ветвью Тевтонского ордена, известного как Ливонский орден [Казекамп 2014: 37]. Северная часть Эстонии, находилась на протяжении этого периода (с перерывами) под властью датчан. Там они вместе с Орденом и уже христианизированными эстами выступили против языческого чудского племени вольд, которое платило дань Новгороду [Казекамп 2014: 38].

Итак, военные союзы в указанный период в «Живописной России» обрисованы как непостоянные и нечеткие, например, те же самые эсты, как сказано, воевали на стороне русских, а потом немцев. Таким образом, коренные народы были использованы как воины двумя сторонами (немецкой и русской), и в то же время они воевали друг против друга в межплеменных столкновениях. Впоследствии немцы смогли захватить Псков в 1240 году, благодаря высшим классам самого города, которые хотели большей независимости от Новгорода [Казекамп 2014: 38]. Затем «Живописная Россия» признает, что немецкое продвижение на славянские земли было остановлено благодаря знаменитому «Ледовому побоищу» или «Битве на Чудском озере» в 1242 г. В этой битве, как известно, князь Александр Невский победил немцев и их союзников. В XIX в. «Битва на Чудском озере» не играла такой важной роли в русской национальной идеологии, как потом в XX-м, поэтому «Живописная Россия» не преувеличивает роли битвы. Там прото-эстонцы, под коллективным наименованием «чудь», воевали на стороне немцев, как показывает Новгородская летопись [Cronichle of Novgorod: 87].

В том, что касается процесса христианизации местных жителей, авторы «Живописной России» отметили, что курши и латгаллы использовали христианство в качестве защиты против других враждебных племен. Предки современных латышей не хотели страдать от «зла», от которого страдали эсты из-за их сопротивления Ордену [ЖР: 136]. В первой половине XIII века действительно было несколько бунтов эстов, однако отношение между коренными народами и немцами оказались более сложными - с временными союзами и кровавыми беспорядками.

Немецкая сторона также не являла собой единого поля. Во время конфликтов между Орденом и Рижским епископом последний просил помощи у литовских язычников [Казекамп 2014: 66], что представляло собой необычное действие со стороны духовенства. В этом контексте из конфликтов возникла новая политическая сила. Немецкие свободные граждане стали получить большую экономическую власть, и одновременно крупнейшие

города Ливонии и Эстляндии стали по немецким законам членами Ганзейского союза - Рига в 1290 году и Ревель в 1248 году. По мнению А. Казекампа, города прибалтийского региона жили в одном культурном пространстве с северной Германией [Казекамп 2014: 66]. Одновременно четвертой властью внутри немецкой стороны были вассалы, иными словами, светское дворянство. В Эстляндии они стали приобретать большие привилегии, и в «Живописной России» есть ссылка на этот факт [ЖР: 137], что можно отчасти рассматривать как намек на критику тех привилегий, которые балтийские немцы сохраняли до XIX века.

Почти все население городов составляли немцы, однако в городах также жило незначительное количество коренных жителей, которых называли «undeutschen» [Казекамп 2014: 67]. О том, что касается жизненных обстоятельств коренных жителей, «Живописная Россия» отмечает, что они не имели никаких политических прав и были личным имуществом землевладельцев. Кроме того, в тексте «Живописной России» положение простого народа описывается как незащищенное, что часто заставляет их бунтовать [ЖР: 137]. Авторы «Живописной России» не в полной мере симпатизируют им, например, в случае восстания Юрьевой ночи 23 апреля 1343. Оно описывается как колоссальное событие. Текст дает свидетельство о том, что люди, говорившие на «ненавистных» немецком и датском языках, были убиты местными жителями за одну ночь, без различия пола и возраста, а церкви и монастыри также были разграблены [ЖР: 137]. Данное восстание известно, как восстание Юрьевой ночи (эст. «Jüriöö ülestõus»). Можно предположить, что конфликты между немцами и местными жителями приобрели черты «жакерий», которые были распространены в Европе XV века.

Авторы «Живописной России» не поддерживают открыто восстания, однако упоминают, что укрепление дворянских сословий и городских привилегий, вместе с безнравственностью и жадностью рыцарей могли разрушить ценности Ордена и вызвать серьезные волнения в стране со стороны коренного населения [ЖР: 137]. «Туземцы» показаны как люди, обладавшие общим представлением о стране, а немецкие рыцари упоминаются как «демонические хищники страны» [ЖР: 137]. Резкая критика Ордена и безнравственного поведения его членов основывается на факте увеличения повинностей и долгов крестьян, и, как замечает Казекамп, кровавые бунты были следствием этих фактов [Казекамп 2014: 62]. В любом случае данная ситуация приводит к укреплению образа врага в лице немцев, несмотря на то, что эстонцы и латыши время от времени вступали с ними в союз.

С начала XIII века в Ливонии было создано феодальное теократическое государство, в котором немцы являлись элитой, в то время как коренные народы занимались в основном физическим трудом и были заняты на тяжелых работах. Христианизация была в большинстве случаев только номинальной [Казекамп 2014: 62].

Заключая описание исторической ситуации XIII века, «Живописная Россия» выделяет русских и немцев как две враждебные стороны. Внутренние конфликты внутри русской стороны, которые упоминаются, выделены для того, чтобы подчеркнуть функцию немцев как внутреннего врага, а не как знак отсутствия «единого русского фронта». Немцы показаны в качестве злой и аморальной силы, и их внутренние конфликты не препятствуют им жестоко воевать против русских. Эстонцы показаны как народ, отрицательно относящийся к немцам.

1.4. Политика Ивана III и Ивана IV: концепция единой России и Ливонская война в «Живописной России»

Текст исторического очерка «Живописной России» не обращает особого внимания на события XIV и XV вв., если сравнить с событиями XIII и XVI вв., которые заслужили более детальный анализ. Тем не менее, они имеют решающее значение для формирования образа России как единого государства и для трактовки политического права России на завоевание ливонских земель. Завоевание Иваном III восточнославянских княжеств имеет отношение к последующей политике Ивана IV, потому оно показано уже как действие именно русского государства. В этом образе русского государства коренные жители Ливонии, в контексте различных войн на их территориях, изображаются как исконные русские подданные. Среди причин войн Ливонские земли упоминаются как «древнее наследие» Руси. Начиная с XVI века, прибалтийский регион рассматривается в «Живописной России» как основополагающий в российской государственной политике, поскольку через эти земли можно было получить выход к Балтийскому морю и в Европу. Реформация показана в «Живописной России» как важное событие для ослабления Ливонского ордена и в процессе аккультурации и смягчения «диких привычек» коренных народов. Город Дерпт описан в отрицательном ключе из-за разрушения церквей во время Реформации. Этот элемент, среди других, использовался Иваном IV как предлог для вторжения в Ливонию и начала Ливонской войны.

В XV веке прусский Тевтонский орден начал ослабевать из-за поражения в знаменитой Грюнвальдской битве в 1410 году, в которой сражались объединенные силы Польши, Литвы и их славянских союзников [Казекамп 2014: 68]. Ливонская ветвь ордена не участвовала в битве [ЖР: 138], и так братья Ливонии начали действовать независимо от прусских, только в своих политических интересах. Между территориями Пруссии и Ливонии существовало мощное государство Речь Посполитая, однако одновременно и в нем наблюдаются та же тенденция к ослаблению.

Войны против Ордена в Пруссии были важными событиями также для Ливонии, потому что они в целом изменили политический баланс в Балтийском регионе. Расширение Польско-литовского государства произошло за счет территорий Великого княжества Московского и привело к серии конфликтов, известных как «Русско-литовские войны». Великое княжество Московское было в XV веке одно из сильнейших восточнославянских княжеств и сражалось с Великим княжеством Литовским за контроль над территориями, принадлежавшими Киевской Руси, которые были захвачены литовцами после монгольского нашествия на Русь. После данных конфликтов в XVI веке московиты смогли расширить свои владения на запад, взяв контроль над многими землями, ранее входившими в число русских. В том, что касается внутреннего управления «Терра Магіана», важно отметить создание новой политической организации под названием «Ливонской Конфедерации» в 1435 году (возникла на Ливонском ландтаге 1419 года).

Ливонская Конфедерация была создана с целью разрешения конфликтов между Орденом и архиепископом, уже упомянутых в предыдущей главе. Она обладала большей властью в вопросах внешней политики и обороны страны [Казекамп 2014: 65], и в ней принимали участие Ливонский орден, архиепископ и самые богатые граждане и дворяне. Это можно представить также как признак политических трудностей, с которыми Орден столкнулся в тот период обладания Ливонией, когда ему стало необходимо делить власть между другими силами немецкой стороны. Коренные жители не учитывались внутри Конфедерации, однако крестьяне в разных ситуациях переселись в города, чтобы освободиться от повинностей [Казекамп 2014: 70], и этот факт можно рассматривать как улучшение условий жизни в городах.

В 1462 году Иван III пришел к власти в Москве, и это событие рассматривается в «Живописной России» как кульминация процесса объединения «русских земель», т. е. восточнославянских ранее независимых княжеств (см. об этом: [Уортман 2004: I, 45]). Они были поставлены под прямой контроль Москвы. Сильное северное княжество Новгородское одновременно заключило союз с Литвой, чтобы укрепить свою независимость от Москвы. Разумеется, последняя не всегда считалась «законным правителем» всех славянских княжеств. Именно в этот период Литва управляла территориями разных восточнославянских княжеств, как, например, в Смоленске. Иван III использовал данную ситуацию как повод, чтобы обвинять Новгород в отступничестве, потому что, как известно, Великое княжество Литовское было католическим государством.

Авторы «Живописной России» заявляют, что великий князь Московский, завоевав Новгород в 1468 году, завершил объединение Русского государства, которое таким образом стало

громадным соседом Ливонии [ЖР: 138]. Однако, по словам Р. Уортмана, до конца XV века идея единой Руси не была актуальной [Уортман 2004: I, 45]. Так, Иван III начал править в Московском княжестве с новыми аннексированными землями как в единой монархии. Тем не менее, ему не хватало титула верховного правителя; на самом деле он был всего «лишь московским князем» [Уортман 2004: I, 45]. Падение Константинополя в 1453 году и разрушение Византийской империи позволило Ивану III провозгласить Русь единственной преемницей православной цивилизации. Таким образом, он получил титул «царь» и «автократор» (самодержец). Слово «царь» было сокращением слова «цезарь» (титул римского императора), однако такое слово в Византии уже вошло в обиход вместо слова «basileus», которое использовалось, чтобы подчеркнуть христианскую веру монарха [Уортман 2004: I, 45].

До такого времени Иван III уже выступил в качестве «истинного защитника православной веры» против католической Литвы и католического Ливонского ордена. Вернувшись в Ливонию, Вальтер фон Плеттенберг был избран в 1494 году магистром Ливонского ордена. Он был сильным и способным руководителем и пытался укрепить Ливонское государство, и о его успехах свидетельствует «Живописная Россия» [ЖР: 138]. В том же году Москва закрыла ганзейскую контору в Новгороде и отправила в тюрьму ганзейских купцов, большинство из которых фактически были из Ливонии. Именно из-за этого Ливония вступала в войну с Россией. После неудачных переговоров в 1498 году Плеттенберг начал приготовления к упреждающему нападению на Псков, который тогда был еще формально независимым, однако под сильным влиянием Москвы. Благодаря помощи Москвы, магистр Ордена не смог завоевать Псков и заключил мирный договор с Москвой в 1503 году; он длился 50 лет.

Следствия данного договора являлись очень важными, согласно тексту «Живописной России», потому что предоставили Ливонии мирную передышку, и в течение этого периода распространилось лютеранство. В тексте «Живописной России» Реформация указывается в качестве ключевого фактора смягчения нецивилизованных привычек коренных народов [ЖР: 138]. Поскольку балтийские города жили в одном культурном пространстве с северной Германией, Реформация имела широкое распространение, несмотря на то, что официально Ливония была теократическим государством под контролем католического архиепископа Риги и Ливонской конфедерации. В Пруссии последний Великий магистр Тевтонского ордена стал в 1525 году герцогом Прусским, приняв протестантизм и, благодаря «прусской дани», стал также вассалом короля Польши. По-другому действовал Плеттенберг, который, хотя и был консервативным католиком и главой католического ордена, тем не менее не поддерживал католического архиепископа, который энергично восставал против всех

нововведений в Церкви. Плеттенберг постоянно покровительствовал сторонникам новой учености [ЖР: 138].

Авторы «Живописной России» отмечают, что Плеттенберг смог понять, что все остальные социальные группы, кроме духовенства, охотно склонялись к лютеранской вере, и хотел избежать гражданской войны, которая в то время разорвала Германию [ЖР: 138]. О том, что касается его личности, то образ немца как врага к нему не применяется, но наоборот – описывается ловкость Плеттенберга, образ о «злых» немцев также не подчеркивается. Далее фон Плеттенберг получил права герцога от императора Священной Римской империи и в 1527 году обратился к нему в поисках политической поддержки. Ливонское государство изменилось, как следствие внутренних конфликтов между архиепископом и гражданами, усилившихся после Реформации. Мещанское сословие в городах поддержало Лютера, и, несмотря на то, что католическая иерархия осталась, граждане освободились от феодалов, поскольку феодальная теократия Ордена начала терять свои основные права. Этот процесс привел к разрушению католических монастырей и церквей, что осуждается в «Живописной России» [ЖР: 138].

Реформация, однако, принесла в Прибалтику не только конфликты и разрушения, но и позволила распространять книгопечатание религиозных книг на местных языках. Первый катехизис на эстонском языке был напечатан в 1535 году в Виттенберге. Данные религиозные книги на коренных языках сыграли решающую роль в формировании литературы на местном языке [Казекамп 2014: 72]; тем не менее немецкий остался официальным языком Ливонии. Различные державы выросли одновременно как на Востоке, так и на Западе, например, Московская Русь, Швеция и Польша-Литва, а Ливония была в центре их амбиций – они все стремились завоевать эти земли.

Последние десятилетия первой половины XV века оказались важным периодом для Москвы и для Руси, именно тогда Великое княжество Московское начало вновь продвижение к Ливонии. С 1533 года Иван IV, позже известный как Иван Грозный, стал правителем. Постепенно он смог преодолеть внутренние конфликты между боярами, провозгласив себя в 1547 году «царем всея Руси». В «Живописной России» это событие играет значительную роль в процессе строительства России в качестве политической державы, а также для формирования образа русской нации. Иван IV хотел стать императором, который получил помазание, т. е. божественное право на царствование, подобно западным правителям¹.

---

¹ С этой целью, он венчался «шапкой Мономаха», которая, согласно легендам, принадлежала Владимиру Мономаху, внуку Константина Мономаха, византийского императора в XI веке. Благодаря данной короне Иван IV как наследник Рюрика имел также право наследия Византии [Уортман 2004 т. I: 50]. Символический план

Иван IV сыграл ключевую роль в исторических событиях не только в России, но и в Прибалтике, и авторы «Живописной России» подчеркивают его фигуру в этом контексте. Претензия Москвы на право быть настоящей наследницей Киевской Руси добавлена к претензии на земли чуди. Такие территории в «Живописной России» описываются как «утраченные исконные территории России», и таким образом Иван IV хотел вернуть их [ЖР: 139].

В XVI веке вопрос о противопоставлении немцев и русских решался не в этническом плане, а в религиозном. Право на сбор дани также являлось очень актуальным в политических конфликтах. Если рассмотреть «Повесть временных лет» - летопись, которая воспринималась не критично как исторический источник, то чудские племена также принимали участие в мифическом призвании Рюрика и варягов [Уортман 2004: I, 47], и данная концепция могла утверждать право русского царя, как наследника Рюрика, на управление чудью. В тексте «Живописной России», тем не менее, право на дань не было указано как единственная причина со стороны Москвы, по которой Иван IV начал завоевывать Ливонию. Вдобавок к ней можно также отметить две другие причины. Во-первых, авторы «Живописной России» сообщают о том, что после Реформации в Дерпте происходило кровопролитие и разграбление храмов. Особенно подчеркивается, как пострадала православная церковь [ЖР: 139]. Следовательно, Иван IV должен был показать себя в качестве защитника православия в Ливонии. Вторая причина вторжения русских войск в Ливонию, по мнению «Живописной России», заключалась в том, что Орден не пускал в Москву военных специалистов с Запада [ЖР: 139]. Великому княжеству Московскому нужна была прямая дорога в Европу через Балтийское море, кроме порта Архангельска и небольших территорий у Финского залива.

Все эти факторы (право на дань на территории древних восточнославянских княжеств, защита православной церкви и необходимость «окна в Европу») показаны в «Живописной России» как причины, по которым Иван IV начал претендовать на владение Ливонией. Сначала российские претензии были исключительно направлены на город Дорпат [Urban 1983]. Политическая власть и военная сила Ивана IV осознавалась Орден, который пытался заключить еще один мирный договор, однако Иван IV поставил условия, которые очень трудно было выполнить, например, требование больших сумм дани, которые Орден не смог выплачивать [Urban 1983]. Когда после нападения Ивана IV в 1558 году они

имел решающее значение; он способствовал образу формирования единой нации под управления царя [Уортман 2004: I, 53].

передумали, было уже слишком поздно, и русская армия пересекла границу и завоевала Нарву. Это событие стало началом Ливонской войны.

Политические интересы нового российского государства в приобретении «окна в Европу» через Балтийский регион для развития торговли и для военных целей, в целом, рассматриваются в «Живописной России» как часть процесса строительства России как великой державы. Данная идея впоследствии была продолжена, когда речь зашла о политике Петра Великого. Релевантность сбора дани с Ливонии возможно считать уместной для политического дискурса XVI века и показа его как части спора России о прибалтийских землях с XI века, однако в данном случае это был предлог для фактического начала войны. Царь настойчиво утверждал, что немецкий город Дорпат/ Дерпт - это древняя русская крепость Юрьев, и что спорная плата за использование полей между Дерптом и Псковом должна состоять в определенной дани с каждого человека в епископстве [Urban 1983]. В тексте «Живописной России» присоединение Ливонии отмечается как «жизненная цель» Ивана IV [ЖР: 139]. Нападение на Ливонию считается историческим поворотным моментом в жизненном пути Ивана [Urban 1983].

Если можно говорить о централизации власти и создании российского государства как о «жизненной цели» Ивана IV, тогда присоединение Ливонии может быть, по крайней мере, частью этого крупного проекта. С началом войны Россия смогла завоевать Ригу и всю Курляндию. Магистр Ливонского ордена Готард Кеттлер, призвавший на помощь Польшу-Литву, Швецию и Данию, чтобы противостоять вторжению России, привел в ливонский конфликт все великие державы Балтийского региона. Согласно «Живописной России», Иван IV, дабы объяснить свои действия польскому королю, писал ему, что ливонцы были древними данниками России и что он наказывает их за «неверность, обманы, недостатки в торговле и разорение церквей» [ЖР: 140]. Таким образом, он представляет себя в качестве защитника православия, и религия используется здесь в виде политического инструмента. Царь действует подобно карателю, который являлся претендентом на ливонскую землю. Такое представление о власти, т.е. создание абсолютной монархии, являлось частью политики Ивана IV на протяжении всего его правления. Кроме того, слова Ивана IV польскому королю суммируют его понимание образа Ливонии (и, следовательно, Эстонии): подданные Великого княжества Московского, которых необходимо присоединить. Данный образ имеется в «Живописной России», которая подчеркивает, как коренные жители помогали русским войскам, боровшимся против немцев, хотя они идентифицированы в тексте только в общем виде как крестьяне, а немцы показаны как их традиционные враги [ЖР: 140].

Когда магистр ордена попросил о военной помощи у Польши - Литвы и Швеции, эти великие державы начали делить Ливонию между собой. Король Швеции Эрик XIV обещал привилегии городскому дворянству Северной Эстонии и Ревелю, в случае их присоединения к Швеции. Так и произошло в 1561 году, когда городская аристократия, действуя независимо от Ордена, приняла шведское правление [Казекамп 2014: 75]. По словам «Живописной России», Эрик XIV после присоединения Эстляндии искал перемирия в войне с Россией и смог его достичь [ЖР: 140]. Остальные части Ливонии с Ригой были названы «Лифландия» и находились в сфере влияния Польши-Литвы, с которой они имели общие торговые интересы. Кеттлер согласился привести Ливонию в подданство Речи Посполитой в обмен на защиту от русских. Таким образом, немцы сохранили свои традиционные привилегии, однако члены Ливонского ордена стали светскими и приняли лютеранскую веру. Документы, подтверждавшие эти политические изменения, были «Pacta Subiectioni», часть Вильнюсского договора 1561 года. Бывшие члены Ордена стали частью немецкого дворянства, уже присутствовавшего в городах, и их привилегии были гарантированы в равной степени с немецкими гражданами. Они могли исповедовать лютеранскую веру; в качестве их официального языка выступал немецкий, а структура самоуправления соответствовала немецкому законодательству. Секуляризация Ливонского ордена считается последним актом перехода Ливонии от Средневековья к эпохе раннего Нового времени [Frost 2000: 5].

Таким образом, король Польши смог действовать на землях Дерпта в составе Ливонии, потому что они являлись территорией под «оккупацией» вражеских великих держав Швеции и России [ЖР: 141]. Речь Посполитая в тот период находилась на пике своего могущества, известном как «Złoty Wiek» (Золотой век), и, согласно «Живописной России», стремилась препятствовать русскому выходу к Балтийскому морю [ЖР: 141]. В 1561 году Ливония была разделена между четырьмя великими державами: Юрьев, Нарва, Вильянди и часть Эстляндии были завоеваны Иваном IV; остальная часть Эстляндии и Ревель находились под контролем Швеции; Сааремаа и Курляндия были завоеваны датчанами, а другие земли Ливонии с городом Ригой находились под контролем Польши-Литвы. Авторы «Живописной России» замечают, что Речь Посполитая хотела завоевать всю Ливонию, но Москва смогла отвоевать древнюю русскую территорию Полоцка [ЖР: 142] (которая была завоевана Польшей – Литвой уже в XIV веке).

По мнению «Живописной России», в завоеванной части Ливонии Иван IV гарантировал к немцам те же привилегии, которые они получили в период польской оккупации [ЖР: 142]. Русские продолжали войну против шведов на севере Эстляндии. Повествуя об осаде Гапсаля, текст нашего издания показывает «странное» поведение немцев, потому что после поражения они весело танцевали. По словам авторов, если бы они были русскими, то после

такой потери им было бы очень стыдно, и они были бы наказаны царем [ЖР: 142]. Здесь можно увидеть конструирование образа русского человека. Он показан как серьезный и нравственный, послушный царю, который играет роль «отца» и карателя. Наоборот, образ немцев суммирует противоположные отрицательные качества. Как и русских, царь должен также наказывать и подданных Ливонии за их «неверность» и за события, произошедшие после распространения Реформации.

Однако с продолжением войны положение Руси ухудшилось. В 1560-е годы в Московской Руси произошли серьезные внутренние социально-экономические конфликты, а Польша-Литва укрепилась, благодаря улучшению отношений между двумя странами и заключению в 1569 году с Люблинского союза [Казекамп 2014: 77]. В 1576 году в Речи Посполитой был избран королем Стефан Баторий [Казекамп 2014: 80]. Баторий начал серию кампаний против Руси, захватив Полоцк в 1579 году и осадив Псков. В 1582 году Московская Русь и Польша-Литва заключили перемирие, в соответствии с которым Русь вернула все территории, захваченные в Лифляндии, и отказалась от своих претензий на эту землю. Подобным образом в 1583 году Иван IV также заключил мир со Швецией, сдав разные русские города вдоль Финского залива, единственный выход к Балтийскому морю, и отказавшись от своих претензий на Эстляндию. Это было официальный конец Ливонской войны. Таким образом, Иван IV не смог расширить свои владения на Западе, однако усилил свое положение в качестве самодержца [Уортман 2004: I, 52].

Итак, в XVI в. Ливонский орден перестал существовать. Затем новые политические деятели (Швеция и Речь Посполитая) разделили Ливонию между собой, но привилегии немцев были сохранены. Московская Русь стала единым государством. Авторы «Живописной России» подчеркивают историческую принадлежность Ливонии России, что, с их точки зрения, следует из прав сбора дани восточными славянскими княжествами (через Ярослава Новгородского в XIII веке до права сбора той же дани в XVI веке). Данное право обосновывало, с их точки зрения, право Московской Руси на земли Прибалтики.

1.5. Северная война: ее предпосылки и «последний акт судьбы Прибалтики»

В последней части первого очерка «Живописной России», после беглого обзора событий XVII в., речь идет о состоянии балтийских провинций под разными державами и в конечном итоге о Северной войне, которая имела значительное влияние в истории России и всего Прибалтийского региона.

После падения ордена Швеция и Польша разделили Ливонию, где сохранились привилегии немецкого рыцарства. Тем не менее, в «Живописной России» показано, что Россия (еще

Великое княжество Московское) имеет абсолютное историческое право на территорию Прибалтики, которое восходит ко времени собирания дани, основанию Юрьева и продолжается в эпоху Ливонской войны. Авторы «Живописной России» вспоминают о потере городов во время Федора Ивановича и о последующем мире, который был заключен Михаилом Федоровичем [ЖР: 143].

Король Степан Баторий захватывал Ригу, с одной стороны, гарантируя привилегии города и свободу вероисповедания в соответствии с Аугсбургским религиозным миром. С другой стороны, он хотел унифицировать администрацию Ливонии и Польши, создав воеводства и дав должности полякам и литовцам; землевладельцы, которые не смогли доказать своих дворянских прав, были казнены [ЖР: 144].

На страницах «Живописной России» подвиги, совершенные Алексеем Михайловичем в завоевании Дерпта и Риги, дают возможности вспомнить «великое время Ивана Грозного», однако после мирного договора со Швецией в 1661 в Кардисе (между Ревелем и Дерптом) данные территории еще раз были утрачены Русью [ЖР: 143]. Данный русско-шведский конфликт (1656-1658) произошел одновременно с конфликтами между Польшей и Швецией и между Россией и Польшей. Действительно, в указанный период на территориях Речи Посполитой и, в том числе, в Лифляндии происходили военные действия, известные как «Шведский потоп» (1655–1660) и «Русско-польская война» (1654-1667). Война между Польшей и Швецией закончилась Оливским миром (1660), а между Россией и Польшей – Андрусовским перемирием (1667) [Казекамп 2014: 87].

Согласно авторам «Живописной России», захват Прибалтики являлся «великим делом», которое только Петр Великий мог совершить [ЖР: 143]. Присоединение остзейских провинций к России ясно показано как последний акт судьбы этих земель. Можно заметить отчасти следы религиозной концепции исторической миссии России [Karjahärm 2010: 27], которая не обращает внимания на другие возможности развития местных народов, например, их самостоятельное существование. По мнению Карьяхярма, «Аннексия балтийских государств в состав России всегда понималась как их присоединение к Российской империи. В контексте сближения прибалтийских провинций с Россией первые рассматривались как составная часть империи за пределами России» [Karjahärm 2010: 28]. Однако официально Российская империя еще не существовала до 1721.

Подобным образом, как XVI век был «золотым веком» Речи Посполитой, XVII век стал кульминацией шведской силы, в котором Шведское государство (известное на шведском как Stormaktstiden 1611–1721) завладевает преимуществом на всех территориях, прилегавших к Балтийскому морю, в том числе, в Лифляндии, Эстляндии, Ингрии, Финляндии, Карелии и

др. Время шведского «Stormaktstiden» началось благодаря королю Густаву II Адольфу, который создал самую мощную армию в Европе [Казекамп 2014: 87]. Под его правлением Швеция смогла завоевать Ливонию, и в «Живописной России» он упоминается в положительном ключе, потому что «сделал многое по установлению внутреннего порядка в опустошенной и разоренной Лифляндии». Кроме того, показано, как «в его духе продолжали действовать и его преемники до Карла XI» [ЖР: 144].

Шведское владычество сыграло значительную роль в развитии культуры и образования в стране, поскольку под властью Густава II Адольфа административные реформы польского правления были отменены и была создана «Academia Gustaviana» в 1632 [Казекамп 2014: 89] (будущий «Universität Dorpat», Юрьевский университет, и в конце концов Тартуский университет). На основании этого учреждения авторы «Живописной России» обращают особое внимание на описание города Дерпта в очерке о пяти «важнейших городах Прибалтийского края» [ЖР: 232].

Противоположное суждение выражено в «Живописной России» о короле Карле XI, который взошел на шведский престол в 1661 г. Его царствование подвергается четкой критике, так как правительство, по словам «Живописной России», «не стеснялось никакими актами подданства этой страны и облагало ее чрезмерными налогами, отбирало в казну имения от частных лиц, а в 1694 г. обнародовало повеление короля об отмене всех земских учреждений и о введении в Лифляндии шведского законодательства» [ЖР: 145]. Это были результаты «Большой Редукции», которая забрала в пользу казны владения дворянства на захваченных землях Балтийского региона, которые были предоставлены им до шведского сюзеренитета. В действительности же, отрицательные последствия редукции касались только дворянства и особенно немецкого рыцарства, и, согласно Казекампу, она улучшила условия жизни крестьян (то есть коренных жителей края) [Казекамп 2014: 90]. В итоге, шведское владычество - единственное, которое осталось в коллективной национальной памяти эстонцев в виде «доброе время», благодаря отчасти отмене крепостного права и рационализации сельского хозяйства, однако все же это осталось в большей степени надеждами [Казекамп 2014: 91]. Действительно в течение XVII века и начале XVIII в балтийских землях (особенно в Лифляндии, и в меньшей мере в Эстляндии) происходили войны, эпидемии и голод, которые значительно сократили население [Казекамп 2014: 94].

Таким образом, следствием редукции являлось утверждение со стороны ливонских дворян, что шведская корона игнорировала местные законы, и это вызывало их большое недовольство. Более того, крепостные на сокращенных вотчинах были теперь переведены под контроль шведской короны. В Ливонии, в старом феодальном государстве, в котором вся земля со времени установления Тевтонского ордена находилась в руках дворянства, такое

недовольство имело глубокие последствия. В частности, это привело к тому, что один остзейский дворянин, Иоганн Паткуль, подстрекал Петра Первого, Августа Сильного Саксонского и Фредерика IV начать Северную войну против Швеции. Цель этих государств было потеснить Швецию в Северной Европе [Казекамп 2014: 92]. Авторы «Живописной России» определяют Паткуля как энергичного и одаренного человека, но и неразборчивого в средствах, который пытался жестоко отомстить Швеции и в результате был в Швеции замучен до смерти за измену [ЖР: 145].

Важно отметить, что дворянство Ливонии играло совсем не второстепенную роль в начале Северной войны, и с тех пор оно (вместе с рыцарством) будет все более и более сближаться с Россией. В «Живописной России» его роль как сословной корпорации не подчеркнута, однако отмечаются важные его члены (такие, как и Плеттенберг и Паткуль). Текст «Живописной России» не дает картины монолитного противостояния между «немецким» и «русским» фронтами, поскольку, на наш взгляд, политические союзы во время Северной войны не способствуют созданию такого идеологического образа. Так, на стороне Петра Первого воевали саксонцы и ганноверцы. Против анти-шведской коалиции, как было упомянуто раньше, выступал король Карл XII. В тексте отмечается, что во время его царствования Лифляндия была ключевым театром военных действий [ЖР: 144]. Таким образом начинающаяся Северная война показана как последний акт в судьбе Прибалтийских провинций [ЖР: 146].

Уже при Карле XI был создан внушительный шведский флот и армия, которые были полезны его сыну и преемнику, чтобы совершить военные победы. Карл XII характеризуется как воинственный, способный достичь военных успехов король, который является достойным соперником гениального Петра [ЖР: 146]. Авторы «Живописной России» утверждают, как в качестве завещанной цели Ивана IV обладание Балтийским морем должно стать целью всей жизни для «государя, который решился ввести Россию в семью европейских государств». Склонность российской внешней политики к этим территориям становится все более неизбежной и показана как «естественное направление».

Здесь можно увидеть другую риторику: земли Прибалтики – не только «исконные подданные России», но и основополагающие территории для существования российского государства как европейского великодержавия. Более того, как отмечает Дворниченко: «Балтийское «окно в Европу» могло служить решением многих насущных экономических и политических задач, стоявших перед Россией» [Дворниченко 2010: 480].

Великое Княжество Московское вступило в союз с Польшей и Данией, по совету Паткуля. Итак, в 1700 после мирного договора с Турцией Петр I объявляет войну Швеции и отправляет войско к Нарве. В «Живописной России» этот акт объясняется как следствие проезда Петра

заграницу во время «Великого посольства», когда в Риге «чинились ему многия противности и неприятности» [ЖР: 146]. Подобным образом пишет историк Двориченко, говоря, как «в Риге шведские власти весьма неприветливо встретили самодержца, и так это послужило впоследствии как одной из претензий, приведших к войне со Швецией» [Двориченко 2010: 479].

Однако в то же самое время, когда Карл XI занимался Редукцией, он создал «Систему индельты» (от швед. *indelningsverket*), то есть систему поселённого содержания армии и флота (когда воины одновременно занимаются сельским хозяйством и содержат себя), и благодаря этому оказалось, что не так легко было победить Швецию. На самом деле страна именно в этот период образовала профессиональную армию, одну из крупнейших и наиболее дисциплинированных армий Северной Европы, в то время как армии большинства государств того времени состояли из плохо подготовленных ополченцев и небольших контингентов наемников. Таким образом Швеция почти достигла полного «*dominium maris baltici*» (владычество Балтийского моря) [Казекамп 2014: 88].

Как известно, первая битва под Нарвой в 1700 году оказалась поражением русских из-за отсталости ее армии и мощи противника. Конфликт представляется в виде дуэли между двумя великими персонажами, которых можно охарактеризовать качественными прилагательными. Данную ситуацию можно рассмотреть, согласно авторам «Живописной России», как неуважение и бесчестное поведение со стороны шведов. Нарвская битва упоминается как несчастливая, однако она «не поколебала мужества Петра» [ЖР: 146]. Но эта прямая дуэль не представляла интереса для Карла, потому что он, по словам «Живописной России», «считая Русских недостойными того, чтобы тратить на них время, и, поддаваясь чувству личной ненависти к Польскому королю Августу, повернул оружие против Польши и двинулся на Ригу, где в 1701 г. и разбил саксонское войско» [ЖР: 146]. В этом случае подчеркивание личного характера ненависти Карла XII к королю Польши делает войну между державами отчасти личным делом.

Петр Первый, после того, как оправился от поражения, решил продолжать войну и приказал Шереметеву продолжать атаки на ливонских территориях, оккупированных Швецией, и «разорять страну, чтобы неприятель нигде не мог найти пристанища» [ЖР: 146]. По мнению авторов «Живописной России», Шереметев отлично выполнил дело и, следовательно, смог разбить шведов в битвах при Эраствере (по-эстонски *Erastvere*) и Гуммельсгоф (по-эстонски «*Hummuli*»). Таким образом, русские смогли опустошить всю Ливонию, за исключением побережья [ЖР: 147].

В дальнейшем упоминаются важные победы Петра Первого: первая в «*Nöteborg*» (позже переименован как Шлиссельбург) в октябре 1702 года [ЖР: 147]. В этом месте находилась

деревянная крепость Орешек или Орехов, построенная великим князем московским Юрием уже в XIII веке. Название, на немецком языке означающее «ключ-крепость», относится к восприятию Петром крепости как «ключа в Ингрию» [Дворниченко 2010: 481]. Вторая победа русских войск была в Ниеншанце (по-шведски «Nyeskans», финск. «Nevanlinna») - шведской крепости на месте слияния рек Невы и Охты. Как замечают авторы «Живописной России», недалеко от Ниеншанца в 1703 г. положено было основание Петербургу [ЖР: 147]. По поводу основания Петербурга на этой территории «Живописная Россия» передает слова Сергея Соловьева, как «у того же устья Невы, у которого в IX в. по Р. Х. начинался великий «путь из Варягов в Греки», в XVIII веке началась Россия» [ЖР: 147]. Сергей Соловьев в его «Истории России с древнейших времен: Том I. Глава I. Природа Русской государственной области и ее влияние на историю» действительно утверждает, что «здесь в IX веке началась первая половина русской истории, здесь в XVIII — началась вторая ее половина. Движение восточных славянских племен с юга на север по великому водному пути, начавшееся в доисторическое время, только в XVIII веке окончательно достигло своей цели — морского берега» [Соловьев: I, гл. I].

Территории около Балтийского моря с самого начала показывались как существенная часть русской истории. Это начиналось с выплатой дани первым князьям, и, следовательно, завоевание этих земель стало целью русского государя, прорубившего «окно в Европу». Их судьба, по «Живописной России», - находится внутри России: следуя перспективе исторической миссии страны, она хочет вернуть себе такие земли, в которых «она родилась». Подтверждение этой интерпретации истории имеется в следующей цитате Соловьева, приведенной в «Живописной России» [ЖР: 147], по которой «в продолжение восьми с половиною веков шла она <Россия> все на восток; дошла вплоть до Восточного океана, но сильно наконец истосковалась по Западному морю, у которого родилась, и снова пришла к нему за средствами к возрождению» [Соловьев: XV, гл. IV]².

Однако война еще продолжается. В тексте упоминается взятие Ингрии, и в 1704, читая, как благодаря Шереметеву русские покорили Юрьев/Дерпт, замечаем, что первым здесь используется русское название. Петр Первый присутствовал собственной персоной при капитуляции города [ЖР: 147]. В тот период Карл XII был занят войной против короля Польши и только после Альтраншtedтского мирного договора 1706 года (который временно предусматривал разрыв союза между Августом II и царем и отклонил Августа в пользу Станислава Лещинского) повернул все свои силы против России [ЖР: 147].

Авторы «Живописной России» показывают, как Карл XII «на этот раз решился нанести удар

---

² Том XV. Глава IV. Продолжение царствования Петра I Алексеевича.

Петру в Малороссии» с помощью Мазепы, и здесь слово «удар» может указывать на поединок между противниками. Битва под Полтавой положила конец мечтам Карла XII о власти в Прибалтике, и Россия захватила всю территорию Ливонии и Эстляндии. Вообще можно сказать, что Полтавская битва изменила международное положение России [Дворниченко 2010: 483].

Рига была взята Шереметевым в 1709. Капитуляции города и следующего акта присоединения к России «Живописная Россия» посвятит иллюстрацию между страницами 147 и 148 (акт присоединения прибалтийских провинций к России в Риге). На изображении можно заметить все социальные сословия, узнаваемые по разным видам одежды, которые празднуют интеграцию с Россией, однако речь о Северной войне еще не закончилась. Текст дает свидетельство того, как «дворянство и граждане присягнули на верность Российской державе, а Петр, со своей стороны, даровал им жалованные грамоты и подтвердил все права и привилегии как Лифляндского дворянства, так и города Риги» [ЖР: 147]. Предшествующее уменьшение именно этих привилегий шведским абсолютизмом позволило ссыльному ливонскому дворянину и представителю ливонского дворянства Иоганну Рейнхольду фон Паткулю успешно договориться о войне против Швеции. Таким способом авторы «Живописной России» подчеркивают то, насколько прибалтийские немцы в Ливонии являлись, в тот период, прорусски настроенными, так что поклялись в верности России. Капитуляции заключались исключительно балтийскими немецкими бюргерами и дворянским сословием [Казекамп 2014: 94]. В этом событии эстонцы и латыши не участвовали, тем не менее можно заметить на картине также людей в типично местной одежде, чтобы указать единогласие всего населения.

Так же действовал Петр после захвата Пярну и Ревеля в 1710. Будущий император гарантировал дворянству и гражданам Ревеля, которые подчинились, грамоты привилегий [ЖР: 147].

Итак, после этих поражений Карл XII постарался найти выход из войны через мирные переговоры, однако из-за его неожиданной смерти в 1718 шведская знать надеялась на продолжение войны с помощью Великобритании, но шведы были побеждены еще раз русскими на Сааремаа. Война закончилась в 1721 Ништадтским миром (швед. *Freden i Nystad*, фин. *Uusikaupunki*). Этот мир, «торжественно отпразднованный Петром», и возвеличил созданную им Россию» [ЖР: 148]. Так что именно Петр Великий указан «Живописной России» как создатель России, и впоследствии он получил титулы «императора» и «отца отечества».

Таким образом, Московская Русь стала Российской империей и изменила официально свой статус и международную роль [Дворниченко 2010: 485]. По словам «Живописной России»,

Ништадтский мир способствовал присоединению Лифляндии, Эстляндии, Ингрии, части Финляндии и остр. Эзель к Российской империи «навсегда» [ЖР: 148]. Судьба этих земель как части империи кажется авторам неизбежной, более того, речь идет о «присоединении», так что они должны были только вернуться к своему законному господину. Тем не менее, важно подчеркнуть, что Россия обязалась уплатить Швеции денежную компенсацию за Лифляндию и Эстляндию и впоследствии возратить Финляндию [Дворниченко 2010: 485].

1.6. Итоги исторической главы

Подробному анализу исторического очерка в «Живописной России» отведено ключевое место в нашей работе, поскольку толкование исторических фактов и определенных точек зрения авторов «Живописной России» на историю способствовало конструированию образа Эстонии и эстонцев в таком виде, в котором оно было отражено во всем тексте. Мы поделили описание истории по хронологически-концептуальным подпунктам. Каждый из них содержит важные понятия.

Во-первых, в параграфе «Описание Эстонии периода до северных крестовых походов в «Живописной России»» мы рассмотрели то, как древнее население Эстонии представляет собой неорганизованные группы племен, внутри которых чувство этнической принадлежности не было особенно развитым. Как полагали авторы, эти племена были упомянуты уже в античности, в римских и греческих текстах, а с XI века были показаны как «естественные» подданные русских князей в центральной и в южной Эстонии, которым должны платить дань. Основная идея – местные народы никогда не были независимыми и до подчинения восточным славянам. Под коллективным названием «чуди», согласно древнерусским летописям, в согласии с новгородцами, они призвали варягов владеть ими. Упоминается основание восточными славянами города Юрьева в 1030 году, который считается первым городом в регионе.

Во-вторых, в параграфе «Северные крестовые походы XII–XIII веков в описании «Живописной России»» мы рассмотрели то, как нападение немцев привело к значительным изменениям в политической и культурной жизни жителей балтийских земель. Крестовые походы были значимы для судьбы балтийских территорий, так как немцы обозначили свое активное присутствие в этом районе. Они впоследствии стали одной из местных доминирующих сил, и славянские княжества будут бороться против них за земли. В этот период оформились территории под названиями Эстляндия и Лифляндия. Понятие Эстонии как земли эстонского народа с четкими границами в этом описании отсутствует, однако авторы «Живописной России» используют название «эсты» (взяв из Тацита) как синоним

современных эстонцев; племена чуди того периода никакого общего названия, кроме «maarahvas» со значением «народ земли или почвы», очень вероятно, не имели. Тут мы имеем дело с ретроспективным взглядом на древние народы, которые показаны как прямые предки современных народов. Подобный процесс мы наблюдаем и в переносе образа Российской империи XIX века на самостоятельные и разнообразные славянские княжества IX-X веков.

Военные походы немцев показаны как законные, возглавленные епископом Альбертом, и даже поддержанные славянским князем Полоцким, потому что эсты прекратили платить ему дань. Затем немцы, появившиеся на балтийских землях, будут изображены как самые главные антагонисты славянских княжеств в течение трех столетий (до тех пор, пока в этой роли их временно не заменили шведы, особенно при Карле XII, в XVII и начале XVIII в.).

В-третьих, в параграфе «XIII век: поле сражения между немцами и русскими в изображении «Живописной России»» мы упомянули, что этот век являлся ключевым в противостоянии немцев и русских в Балтийском регионе. Эстонский народ еще не наделен определенными чертами, но местные люди показаны как враги немцев. Однако города восточнославянских княжеств не имели никакой общей политической стратегии, основанной на долгосрочных целях, и не сформировали единого «русского фронта». На страницах «Живописной России» обрисовка русских и немцев как двух враждебных сторон переходит в изображение немцев как внешнего врага. Последние показаны в качестве злой и аморальной силы, и их внутренние конфликты не препятствуют им жестоко воевать против русских.

Нападение меченосцев раскрывало исторический контекст, в котором немцы вторгались в русские земли. С точки зрения «Живописной России», это было конфликт за право собирать дань. Враждебность немцев по отношению к русским приводит к конструированию образа двух противостоящих друг другу врагов. Риторика создания образа внутреннего врага как средство объяснения причин поражения и военных потерь активно используется авторами в процессе конструирования национальной идентичности. Что касается жизненных обстоятельств коренных жителей, «Живописная Россия» отмечает, что они не имели никаких политических прав и были личным имуществом землевладельцев, их положение описывается как незащищенное, и это часто заставляет их бунтовать.

В-четвертых, в параграфе «Политика Ивана III и Ивана IV: концепция единой России и Ливонская война в «Живописной России»», мы рассмотрели, как в событиях XV и XVI веков сформировался образ России как единого государства и как осуществлялась трактовка политического права России на завоевание ливонских земель. Такие основы были заложены при великом князе и царе Иване IV. Начиная с XVI века, прибалтийский регион рассматривается в «Живописной России» как основополагающий в российской

государственной политике, поскольку через эти земли можно было получить выход к Балтийскому морю и в Европу. Здесь коренные жители Ливонии (современная северная Латвия и южная Эстония, где владели рыцари) указаны как исконные русские подданные. Политика Иван IV сыграла ключевую роль в претензии на земли чуди как на «утраченные исконные территории России». Такие территории считались важными частями процесса строительства России как великой державы.

Реформация, один из самых важных культурных расколов в европейской культуре, принесла в Прибалтику не только конфликты и разрушения, но и позволила распространить печатание религиозных книг в местных языках.

Релевантность сбора дани с Ливонии можно считать уместной для политического дискурса XVI века и показа его как части спора России о прибалтийских землях с XI века, однако в данном случае это был предлог для начала Ливонской войны. Орден меченосцев, который владел регионом после крестовых походов, перестал существовать. Историческая принадлежность Ливонии России показана в «Живописной России» как следствие права сбора дани восточными славянскими княжествами. Данное право обосновывало право Московской Руси на земли Прибалтики.

В-пятых, в параграфе «Северная война: ее предпосылки и «последний акт судьбы Прибалтики»» мы рассмотрели, какое влияние имела данная война в истории России и всего Прибалтийского региона. В тексте «Живописной России» показано, что Россия (еще Великое княжество Московское) имела абсолютное историческое право на территорию Прибалтики. По словам авторов «Живописной России», захват Прибалтики является «великим делом», которое только Петр Великий мог совершить. Это считается авторами последним актом судьбы этих земель. Можно заметить отчасти следы религиозной концепции исторической миссии России, которая должна присоединить составную часть империи, временно располагавшуюся за ее пределами. Однако, по мнению авторов «Живописной России», шведское владычество сыграло значительную роль в развитии культуры и образования в стране; особенно подчеркнута роль Густава II Адольфа в основании будущего Тартуского университета. Большая Редукция, отрицательные последствия которой касались только дворянства и особенно немецкого рыцарства, одновременно улучшила условия жизни коренных жителей края. Так что шведское владычество - единственное, которое осталось в коллективной национальной памяти эстонцев в виде «доброе время». Наоборот царствование Карла XI в Ливонии подвергается в «Живописной России» четкой критике.

Роль дворянства Ливонии как сословной корпорации не подчеркнута, однако она не была второстепенной в начале Северной войны, и немцы будут все более и более сближаться с Россией. Северная война показана как решающий акт в судьбе Прибалтийских провинций.

По словам «Живописной России», их соединение - задача жизни для «государя, который решился ввести Россию в семью европейских государств», и также «естественное направление» политики. Здесь использована новая риторика: земли Прибалтики представляются не только «исконными подданными России», но и основополагающими территориями для существования российского государства. Судьба этих земель как части империи кажется неизбежной, более того, речь шла о «присоединении», так что они должны были только вернуться к своему законному господину.

1.7. Иллюстрации к первому очерку

На страницах первого очерка, после изображения гербов трех прибалтийских губерний, помещены 23 гравюры и рисунка: 12 связаны с описанием соответствующих исторических событий в первой и второй подглавах (хотя и с небольшим хронологическим сдвигом - обычно изображение относится к событиям, рассказанным примерно на 2 страницы позже), одна является отдельной картиной между с. 146 и 147, и остальные 10 гравюр формируют последние подглавы исторического очерка под названием «Памятники древности и другие достопримечательности края», где перечисляются остатки прошедшей истории края и в особенности развалины древних замков и список еще сохранившихся монументов, которые могут быть проанализированы вместе с гравюрами. Все иллюстрации перечислены в оглавлении «Живописной России» в самом конце тома [ЖР: 307].

Первая иллюстрация очерка описана как «Начальная виньетка» и расположена рядом с текстом латышской народной песни о войне. Заметны рыцари с флагами и шлемами, которые сражаются в лесу, их поражают стрелами, камнями и дубинами. Это относится к немецкому (судя по броне) нападению на Прибалтику, и функция картины может поддержать концепцию образа немецких рыцарей как захватчиков [ЖР: 131].

Вторая гравюра изображает «Кирхгольм (древний Гольм)», современный Salaspils, около Риги, «где основана была вторая христианская церковь» [ЖР: 133]. Полагаем, что ее функция – подчеркнуть, что христианизация представляет «начало истории этого края».

В дальнейшем приводятся рисунки развалин замков - типичный сюжет романтической эпохи, начиная с рисунка «Развалины замка Кокенгаузена». Хотя развалины - замок немецкого епископа, однако на том же самом месте ранее было Кукейносское княжество, в котором княжил Вячко, вассал полоцкого князя, возглавлявший сопротивление Ливонскому ордену. Функция этого изображения - указать на владение славянского княжества в центре современной Латвии, перед немцами [ЖР: 134]. Следуют гравюры «Медвежья Голова» (Оденпе, эст. Отерää) и «Развалины замка Везенберг» (эст. Rakvere). Центральное положение

церкви в обоих случаях может указывать на то, что христианская цивилизация с земель Ливонии также достигла территории Эстляндии [ЖР: 135 и 139].

На странице 140 находятся два портрета: это Готхард Кетлер и его жена Анна Мекленбург-Гюстровская. Кетлер был последним ландмейстером Тевтонского ордена в Ливонии. В «Живописной России» его личность описывается в положительном свете. После него, с секуляризацией ордена, Ливония перешла из Средневековья в раннюю Новую историю [ЖР: 140]. На следующей странице изображены «Развалины замка Венден», по-латышски Cēsis, который был одним из главных центров Ливонского ордена и резиденцией его магистров [ЖР: 141]. На странице 142 имеется другой портрет: это Патрик Гордон, изображенный в типичном стиле XVII-XVIII века, - генерал русской службы, который поддержал Петра I в борьбе против царевны Софии Алексеевны [ЖР: 142].

На следующей странице выделяется гравюра «Битва под Нарвой в 1700 году». Характерно, что поражение русских не акцентируется, но релевантность Северной войны в судьбе края подчеркивается, так что ей посвящены в целом три гравюры [ЖР: 143]. Вторая - «Разбитие саксонских войск Карлом XII под Ригой в 1701» - показывает поражение союзников России, саксонцев [ЖР: 144]. Между страницами 146 и 147 в «Живописной России» находится вклейка, на которой изображен «акт присоединения Прибалтийских провинций к России в Риге», о чем шла речь выше. Третья гравюра о войне - «Вид Риги в 1701 во время осады ее польскими войсками». Здесь изображено поражение короля Польши от шведов [ЖР: 147].

Памятники древности

В подглаве «Памятники древности и другие достопримечательности края» имеется список памятников региона, разделенный по территориям Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. На странице 148 еще раз даны «Развалины замка Венден», который описан как поселение немцев, во времена владычества которых было построено множество замков. Многие из них сохранились, а некоторые в конце XIX в. могли быть еще обитаемы. Это передавало идею пограничного района и «перманентной войны», где замки служили как оборонительные конструкции [ЖР: 148]. Первый упомянутый памятник Эстляндии - это «Развалины монастыря Падизе», основанного в 1241 [ЖР: 148]. В 1343 году, как уже упомянуто, во время восстания Юрьевой ночи, монастырь был сожжен, а 28 монахов и вассалов были убиты. Дальше дается гравюра «Развалины замка на Вердер», в Virstu, в Западной Эстонии, на противоположном берегу от которого находится остров Сааремаа. Текст передает свидетельство о том, что «в народе и теперь еще сохраняются рассказы о страшном рыцаре Отто Иксюле, бывшем грозой для проходивших через пролив иноземных судов». Это описание указывает на тяжелые отношения между дворянством и местными жителями [ЖР: 148]. Потом упоминается, что в Пайде «довольно хорошо сохранились развалины замка

Виттенштайна, построенного в 1205 г. В 1572 г. замок был взят царем Иоанном Грозным <...> он много потерял от войны между соседними государствами». Упоминание данного замка в центре Эстонии может показать, как Иван Грозный вошел вглубь территории Ливонии. Еще говорится об эстонской крепости «Падис» (рус. Падца) [ЖР: 148]. Следует изображение «Развалин монастыря Бригиток» около Ревеля (по-эст. Pirita klooster). Он был уничтожен пожаром, вызванным войсками Ивана Грозного во время Ливонской войны в 1577 году. Таким образом в «Живописной России» также не умалчивается о нападении со стороны русских, от которого погибли монахи и монахини [ЖР: 148].

В дальнейшем текст описывает памятники Лифляндии. Интересно заметить, что, когда речь идет о «Развалинах древнего замка Торейды (ныне Трейден), построенного при третьем епископе Альберте», упоминается о том, что «язычники едва не принесли его <немецкого епископа Мейнхарда> в жертву богам». Это может подчеркнуть жестокость коренных жителей страны; подобные аннотации находятся дальше в этнографическом очерке [ЖР: 148]. На странице 150 идет речь о «развалинах замка Кокнес» (латыш. Koknese, нем. Kokenhusen), который был изображен ранее на одной иллюстрации, и текст сообщает о разорении замка «князем Вячко перед бегством его в Новгород <...> В 1700 г. за стенами его долго защищались саксонские войска против Карла XII; а когда принуждены были выйти, то взорвали его на воздух» [ЖР: 150].

С самого начала изображения и гравюры показывают эти территории как пограничное место, в котором проходит много войн. Гравюры церквей и многочисленных замков, в основном, изображены в руинах. Христианизация идентифицирована с началом истории этих земель. В целом эти земли представлены абсолютно европейскими, с каменными замками и с прошлым, достойным интереса русского читателя. Здесь происходило многолетнее столкновение между немцами, русскими и местными жителями. Впоследствии, как известно, поляки и шведы также воевали на этих территориях. Гравюры, где представлены битвы при Нарве и Риге, подчеркивают важность Северной войны для определения судьбы этой территории. Как деталь, упоминание князя Вячко, по-видимому, призвано подчеркнуть славянско-русское присутствие в Ливонии в начале XIII в.

Глава 2

Становление концепции этнографических исследований в России XIX в. и описание эстонцев в «Живописной России»

В третьем очерке «Живописной России», после изложения исторических событий в прибалтийских губерниях и списка памятников, текст переходит к этнографическому анализу населения. Данный очерк оказал сильное влияние на представления об эстонцах и об их положении внутри Российской империи, сформировавшиеся в русском обществе.

Как уже говорилось, научно-популярное издание «Живописная Россия» осуществлялось в контексте становления русской этнографии второй половины XIX века, выражая теоретические принципы ИРГО не только через узко специализированную терминологию, но и используя язык, понятный более широкому кругу читателей. Следовательно, нам нужно сначала проанализировать основные методологические подходы, понятия и терминологию этнографической науки такого периода, чтобы затем рассмотреть, как текст третьего очерка нашего тома «Живописной России» отражает эти концепции в описании коренных жителей края.

Этнография в России в современном понимании этого слова стала по-настоящему развиваться во второй половине XIX века. Ее основы были сформулированы в 1840-е годы, и можно поэтому считать, что именно в 40-е годы этнография окончательно выделяется в России в самостоятельную науку [Токарев 2015: 372]. Данная наука стремится, как и естественные науки, к методической строгости и объективности. Таким образом, заранее установленные в интеллектуальной среде идеи, например, бинарные оппозиции и сравнения, благодаря популяризации этнографии стали частью коллективного сознания. Однако, как будет показано, трудно было сохранить объективность и нейтральность в такой сфере, которая часто являлась носителем определенных политических взглядов в отношении к своим объектам исследования.

В Европе большое количество этнографических трудов того времени касалось далеких «экзотических» народов, живущих в Новом Свете, Африке и Азии. В Российской империи народы, завоеванные недавно или относительно давно, также становились предметом исследования. Изучение нерусских народностей относилось к сфере интеллектуальных интересов Карла Бэра, однако, по мнению Надеждина, необходимо было и исследование современного русского быта [Токарев 2015: 295]. По наблюдению Токарева, у Надеждина мы находим первую попытку философского определения сущности этнографии как науки в духе гегельянской философии, в котором исследование естественных разрядов человечества

помогает определить их общечеловеческие черты [Токарев 2015: 380]. Таким образом, следуя за идеями Просвещения и позже – идеями национального романтизма, этнографическая наука играла важную роль в дефиниции параметров русской национальной идентичности и в отношениях между русскими и нерусскими подданными российского государства.

В процессе изучения выбранного народа необходимо было более точно определить объект исследования и создать единую систему, в которой найденные характеристики народа могли иметь значения. Слово «этнография» пришло из немецкого языка и буквально означает «народописание». В немецком языке имело место еще одно определение: если описание касалось только собственного этноса, оно понималось как «Volkskunde», если относилось к другим этносам, оно называлось «Völkerkunde» [Лескинен 2010: 43]. Что касается России, оба направления могли дополнять друг друга, потому что в империи жили разные народы, некоторые из них имели длительную историю и сходство с русскими [Лескинен 2010: 43]. В нашем случае, среди коренного населения прибалтийских губерний латыши считались близкими к русским.

В изображении и систематизации народов с самого начала применялся компаративный метод, чтобы подчеркнуть сходство и различия между изучаемыми народами. Этим способом сравниваются культурные данные, чтобы выделить константы и создать единую систему. Выбирались особенно такие данные и характеристики, которые могли подтвердить собственные теории, которые часто уже определились априори и были связаны с конкретными политическими целями авторов, их видением народного и общественного идеала [Лескинен 2010: 184]. Сравнительная этнография развивалась не только в синхронии, но и в диахронии. В таком духе действовали и авторы «Живописной России», когда в очерке «Коренное население края» постоянно сравнивали между собой латышей и эстонцев в их современном состоянии и также с их древними предками.

По мнению Лескинен, это приводило к активизации значений противоположности, и описание тяготело к семиотическим оппозициям «мы / они», «свой / чужой», «исторические / нецивилизованные народы» и др. [Лескинен 2010: 123]. Данные бинарные оппозиции действовали одновременно с компаративным методом и заложили два противоположных полюса - положительный и отрицательный. Русские находились на одном полюсе оппозиции (например, как образованный народ и как «свой»), в то время как другие народы, в нашем случае, местные жители Прибалтики, находились на другом полюсе, хотя их положение не было фиксированным и не исключало положительного соприкосновения с русскими.

Важным является оппозиция между историческими и нецивилизованными народами. Она восходит к абсолютизации секуляризованных христианских ценностей в «мифе прогресса», и выражение ее начинается с эпохи Просвещения [Лескинен 2010: 120]. Данные ценности толковали в категориях культуры и образованности. Образованность вместе с культурой, христианством и прогрессом провозглашались в этом случае взаимообусловленными [Ibid]. Важно отметить, что такие категории не всегда строго фиксированы. В некоторых случаях и по разным поводам народы могут менять свое аксиологическое положение между полюсами. Именно такую ситуацию находим в «Живописной России», так как в диахроническом сравнении древних и современных «туземцев» до христианизации и завоевания немцами, первые изображены в виде нецивилизованных и жестоких. Далее латыши и особенно эстонцы становятся, согласно «Живописной России», все более и более образованными, благодаря положительному влиянию культуры и русскому правлению. В этом случае их первобытные характеристики оказались изменчивыми.

Другая бинарная оппозиция, «свой / чужой», оперирует к поляризации подлинного представителя «своего» народа и типичного представителя другого народа. Представитель «своего» народа – это крестьянин, поэтому крестьянин – это предпочтительный предмет исследования этнографов, поскольку он лучше сохраняет народный характер [Лескинен 2012: 148]. Данная идея является типическим продуктом эпохи романтизма, когда концепция крестьянина как близкого к земле и к истинной природе доминировала в европейском обществе не только в этнографических кругах. Как пишет М. В. Лескинен, «это приводит к тому, что в сравнении со «своим» — явном или неосознанном — обязательно присутствует образ представителя собственного народа каковым для российского (не всегда русского!) наблюдателя является крестьянин» [Лескинен 2010: 181]. Часто сравнение русских крестьян с инородными крестьянами способствовало появлению вопроса о том, какой русский крестьянин, в каком регионе лучше остальных воплощает «русскую типичность». В этнографическом очерке «Живописной России» русский крестьянин не играет роли как полюс для противопоставления, зато сравниваются между собой латышские и эстонские крестьяне. Первые были представлены как более близкие к славянскому типу, из чего можно сделать вывод, что они выступают в роли «своего чужого». То есть, в сравнениях с образом другого народа образ «своего чужого» не так отличаются от «своего», и поэтому через это сопоставление можно лучше выделить признаки «чужого». В «Живописной России» общность корней балтийских и славянских народов приближает латышей к русским и могла бы выполнять эту функцию.

Далее в качестве бинарных оппозиций привлекается оппозиция «дикие / культурные» народы. Дикие народы необязательно являются злыми, однако они находятся на другой стадии человеческого развития. В этом можно рассматривать влияние идеологии эволюционизма и концепции «благородного дикаря» как «чистого существа». Данная концепция имела целью уравнивания политических и экономических «недостатков» «диких народов». Однако в интересующем нас очерке, когда речь идет о древних эстонцах и когда их описывают как диких, в большей степени имеются в виду именно их отрицательные черты.

Как и противопоставление «образованного / нецивилизованного», оппозиция «дикие / культурные» отражает культуру и образование как главные критерии разделения народов (в том числе, и на «своих» и «чужих»). В эпоху Просвещения она обрела конкретные и исторические приметы [Лескинен 2010: 118]. Следующее разделение народов на «исторические» и «неисторические» исходило снова из идей Гегеля [Лескинен 2010: 121]: диалектическое развитие духа ведет к цивилизации, и государство представляется как результат действия силы разума против предрассудков и поверий.

Как уже было сказано, в России второй половины XIX века этнография осознавалась как часть географической науки, поэтому изучение народов было неотделимо от конкретной территории, на которых они жили и развивались. Значимую роль играла в этой концепции зависимость человека от природной среды, и в значительной степени природные факторы доминировали над историческими и культурными. Известный проповедник географического детерминизма Монтескье уже в незаконченной работе «*Essai sur les causes qui peuvent affecter les esprits et les caractères*» полагал, что от природных условий зависит оппозиция «северных / южных» народов [Montesquieu 2004: 41]. Данная оппозиция базировалась на физиологических наблюдениях над людьми, обитающими в северной и южной Европе, и повлияла, например, на разные степени развития их воображения или на большую или меньшую твердость в принятии решений. Народы северной Европы определены автором как менее способные к творчеству и более подходящие для работ, которые требуют длительных исследований [Ibid: 42]. Вообще, зависимость человеческого характера от климата и природных условий складывается из подробных деталей.

К географическому детерминизму в концепциях русской этнографии добавлялись также другие параметры, кроме оппозиций «северные / южные» народы, как, например, указания на морфологические характеристики пространства (например, лесные или прибрежные зоны), влияющие на развитие определенных народов и на их стиль жизни и экономическую деятельность [Лескинен 2010: 98]. Таким образом, представлялась причинно-следственная связь между типичным ландшафтом, этнографическим (антропологическим) типом и

характером народа [Лескинен 2010: 123]. По-видимому, она противостоит другим оппозициям, которые мы описывали ранее (например, образованный / нецивилизованный), делая этнос лишь частью природы [Ibid: 99]. Тем не менее, не абсолютно буквальное восприятие этой теории, то есть учет и других факторов (не только чисто природных) в формировании этноса, смогло подчеркнуть взаимосвязи между народом и окружающей средой. Тот же самый Монтескье, на самом деле, показал в своем трактате также и то, как моральные факторы влияют на народный характер и могут определить дух народа еще больше, чем исключительно природные причины [Montesquieu 2004: 75].

Указание на решающее воздействие природы на формы человеческой жизнедеятельности было главным и почти неизменным на протяжении всего XIX века [Лескинен 2010: 99]. В «Живописной России» географический детерминизм или, точнее, детерминизм ландшафта (слово также заимствовано от немецкого языка) используется более всего для диахронических описаний древних эстонцев и жителей островов, когда речь идет об их менталитете и деятельности.

После изложения некоторых теоретических взглядов и концепций российской этнографической науки возвратимся к двум докладам, выделяющимся на общем фоне выступлений в отделении этнографии РГО. Данные доклады, а именно «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности» К. Бэра (на немецком языке), прочитанный в собрании РГО 6 марта 1846 г. и опубликованный в русском переводе, и «Об этнографическом изучении народности русской» Н. И. Надеждина³, были напечатаны в «Записках Русского Географического Общества». Именно эти тексты имели влияние на описание народов в сборнике «Живописная Россия» [Иванова 2011: 15]. И К. М. Бэр, и Н. И. Надеждин подчеркивают необходимость развития этнографии как науки, в которой необходима систематизация материала [Иванова 2011: 18]. Несмотря на разную направленность Н. И. Надеждина и К. М. Бэра, в их программах присутствовало несколько общих черт [Иванова 2011: 19]. Как замечает Ю. Иванова: «Сходство программ К. М. Бэра и Н. И. Надеждина с «Живописной Россией» состояла не только в структуре, но и в содержании».

2.1 Программа К. М. Бэра

Карл Максимович Бэр, который родился в семье прибалтийских немцев в Эстляндской губернии, отмечает в начале своего доклада, что в нынешнем состоянии знаний изучение

---

³ Доклад прочитан на годовом собрании Русского Географического Общества 29 ноября 1846 г. [Надеждин 1847].

древних народов не представляет первостепенной важности, поскольку древние народы неправильно описывали своих соседей [Иванова 2011: 15]. Автор упоминает известный текст Тацита «De origine et situ Germanorum» (в докладе «De situ et moribus Germaniae»), написанный в I в. н. э., такое творение, по его мнению, «можно назвать первым, достаточно полным этнографическим описанием, ибо сведения, оставленные нам Греками и Римлянами о других народах, крайне неполны и отрывчаты» [Бэр 1846: 96]. Несмотря на его недостаток, творение Тацита использовано как первоисточник сведений о древних эстах в «Живописной России», предполагаем, для того чтобы показать действительную древность корней эстонского народа.

Функция этнографии, по мнению Бэра, это «отечественное» дело, чтобы сохранить и передавать воспоминание прошлого [Бэр 1846: 95]. Просвещение действует отрицательно на запасы этнографических материалов, потому что сглаживает различия народов [Бэр 1846: 94]. Для этнографии именно простой (необразованный) народ является лучшим материалом для изучения, по мере просвещения он утрачивает свои исконные черты (начинает одеваться в общеевропейское платье, не соблюдает народных традиций, говорит на иностранных языках).

Далее академик, полемизируя с идеей исключительно положительной ролью христианизации и, следовательно, религиозного просвещения, подчеркивает, что в разные исторические моменты христианство было навязано «огнем и мечом», так что захваченные народы находились в тяжелом и унижительном рабстве [Бэр 1846: 96]. В описании христианизации туземцев Прибалтики в «Живописной России» можно увидеть подобный пример, поскольку она для авторов являлась прелюдией рабства коренных жителей под игом немцев (и об этом говорится именно так, когда речь идет о латышах). Тем не менее, в «Живописной России» христианизация не рассматривалась только как односторонний процесс, авторы также обратили внимание на частичное смягчение самых «диких и жестоких» черт эстонцев и латышей.

Однако в этнографических описаниях многое зависит от личного взгляда на собственное положение автора [Бэр 1846: 96]. Если крестоносцы в своих хрониках, на которых авторы «Живописной России» опираются для изображения прошлого Ливонии, еще не могли избежать изображения языческих народов как «злых», то в России XIX века этнографы считают себя просветителями коренных народов, поэтому рисуют их в лучшем свете, показывая роль просвещения, которое несет империя своим народам. К. М. Бэр считает важным вопрос о том, как различные народы относятся к просвещению своих соседей, и замечает, что «низшая степень просвещения в других представляется нам всегда совершенно противоположную степени образованности, на которой мы себя считаем, пока мы не в

состоянии владычествовать над собственным суждением, – скажем только, что наш взгляд на общественное положение других, к сожалению, слишком легко руководствуется одними чувствами» [Бэр 1846: 97].

Это может указывать на тот факт, что в бинарной оппозиции, действующей при обсуждении того или иного народа, например, «нецивилизованный / образованный», низкий уровень «другого» уравновешен (предполагаемым) высоким уровнем «своего»: это довольно субъективное суждение. Тогда нужен более научный подход, который отходит от эмоциональной составляющей, что в течение времени привело посредством споров к, так сказать, философскому рассмотрению предмета [Бэр 1846: 97]. Это касается изучения различия в физической природе человека и его умственных способностях. Огромное влияние на них оказывают свойства страны [Бэр 1846: 98]. Здесь можно увидеть, что Бэр придерживается принципов географического детерминизма. Так, по его словам, «как степные страны превращают жителей своих в кочевые народы, лесистые делают их охотниками, побережья моря рыболовами, затем морскими разбойниками и наконец купцами. В горах находим всегда решительных и сильных защитников родины, к какому бы племени жители ни принадлежали. Посему с уверенностью можно сказать, что условия, местности определяют главные различия способностей народа» [Бэр 1846: 98]. Географический детерминизм Бэра особенно включается в обсуждение основных элементов генетического фактора, поскольку кажется, что физические различия между народами являются выражением влияния места, и они медленно сглаживаются. Таким образом подчеркивается релевантность компаративного и синхронически-диахронического методов, в то время как «сравнительная этнография описывает в настоящем те отношения, о коих история повествует, когда они уже прошли» [Бэр 1846: 99].

Автор также полагает, что политическое направление оказывает влияние на оценку основных этнографических сведений, поскольку политика не так беспристрастна, как должна быть наука, потому что «политика следовала доселе гораздо более темному чувству и еще долго будет им руководствоваться» [Бэр 1846: 100]. Бэр надеялся на то, что опытность постоянно будет приближать политику к научным методам, в том числе, и в этнографии.

Тем не менее «угрюмые» народы являются интересным предметом изучения, поскольку они сохраняют особенные и редкие характеристики, полезные для описания. Суммируя слова Ю. Ивановой, которая опирается на упомянутый доклад Бэра, основными элементами, достойными внимания исследователя, являются: 1) физические свойства народа, 2) его умственные способности, 3) религия, 4) предрассудки, 5) нравы, 6) способы к жизни, 7) жилища, 8) посуда, 9) оружие, 10) язык, 11) поверья, 12) сказки, песни, музыка и пр. [Иванова 2011: 17].

2.2. Программа Н. И. Надеждина

Как было упомянуто ранее, Надеждин, в большей степени чем Бэр, пытается дать этнографии философско-методологическую основу, опираясь на гегелевскую философию, выраженную, например, в его концепции человеческой природы. Человеческая природа, по его мнению, «есть не что иное как воплощение духа в веществе». Таким образом, он уже в 1830-х гг. разделял романтическую концепцию и взгляды Пушкина и Белинского на народность как выражение духа народа, в том числе, и в его обычаях и нравах [Лескинен 2010: 54]. Согласно М. Лескинен, «под народностью Надеждин понимал то патриотическое одушевление изящных искусств, которое, питаясь родными впечатлениями и воспоминаниями, отражает в своих произведениях родное, благодатное небо, родную святую землю, родные драгоценные предания, родные обычаи и нравы, родную жизнь, родную славу, родное величие», подчеркивая — как и все те, кто рассуждал о первопричинах формирования этнонациональной самобытности до него — «связь духа с природою» [Лескинен 2010: 54].

Подобным образом, Надеждин также придерживается географического детерминизма Монтескье (и это общая черта обоих, Бэра и Надеждина). По его интерпретации, воздействия природных факторов на характер народа мало чем отличалась от объяснений Ш. Монтескье: «при длительном проживании народа в определенных условиях выработанные им качества передаются по рождению, даже если он переселяется в другую местность» [Лескинен 2010: 54]. Кроме этого, начальная часть доклада Надеждина 1846 года отличается от доклада Бэра тем, что в ней подчеркивается необходимость исследования русской этнографией русского человека (то есть великорусов, малороссов и белорусов). Значительная роль здесь отводится также компаративному методу [Надеждин 1847: 109]. Однако для этого требуются эксперты, которые помимо простого сбора материала могут его проанализировать и каталогизировать [Надеждин 1847: 110].

По мнению Надеждина, «естественные разряды, отличающиеся в «человечестве», суть именно то, что обыкновенно называется «народностями»; и соответствующие им действительные разделы в «роде человеческом» суть то, что принято называть «народами». Таким образом, «народы» составляют предмет исследования, а описание «народностей» есть содержание, из которого состоит этнография. Ее задача состоит в приведении «людского» к народному, и через это обозначать в нем «общечеловеческое»; точно как география — в круге своих занятий — приурочивает «гору» к «системе», «поток» к «бассейну», и так далее для того, чтобы каждому отдельному урочищу обозначилось тем место и значение в общей целостности «земного шара» [Надеждин 1847: 111].

В качестве показатели отличий народов между собой самым важным является различие языков. Поэтому для автора «язык народа, как был, так и останется навсегда — главным залогом и главным признаком «народности»; следовательно — и главным предметом, призывающим на себя внимание этнографии» [Надеждин 1847: 112]. Язык, который следует изучать, должен быть «живой народный язык», и также простонародный. Такая концепция, входящая в рамки «лингвистической этнографии», не привлекла особого внимания на страницах «Живописной России» об Остзейском крае.

В процессе изучения «человеческой природы» важно исследовать, как полагал Надеждин, два составных элемента: «телесный» и «духовный» [Надеждин 1847: 113]. Физическая этнография должна заниматься всем, что касается тела, и ей необходимо определить «конституцию» животного организма, отношения между телом и конечностями, и «живучесть, <...> плодовитость <...>, расположение к болезненности» и «способ и размеры питания» [Надеждин 1847: 114]. Образование, по мнению ученого, приводит к стиранию различий между народами в направлении формирования одинакового цивилизованного типа. Физическая этнография может найти больше материалов среди менее образованных народов. Европейские народы, несмотря на различия, находятся в пределах одного физического этнографического облика [Надеждин 1847: 115].

Чтобы исследовать духовный элемент человеческой природы, Надеждин ввел концепцию психической этнографии. Для него она заключается в «обозрении и исследовании всех тех особенностей, коими в народах более или менее знаменуются проявления «духовной» стороны природы человеческой; т.е. умственные способности, сила воли и характера, чувство своего человеческого достоинства» [Надеждин 1847: 115]. Суть духовного начала проявляется в выражении народных духовных сил, например, в «семейном устройстве народа, со всеми его особенностями; домохозяйство и вообще промышленность; жизнь и образованность», а также «религия, как народ ее себе придумал или присвоил; словом — разумные убеждения и глупые мечты, установившиеся привычки и беглые прихоти, заботы и наслаждения, труд и забавы» [Надеждин 1847: 116]. Таким образом, народность сохраняется, и ее можно наблюдать в быте народа [Надеждин 1847: 117]. Также для Надеждина этнографический метод является по существу сравнительным [Надеждин 1847: 117].

2.3. Программа РГО

В 1848 году, с целью сбора сведений сотрудниками Отделения этнографии, была опубликована этнографическая программа РГО. Ее основным составителем стал Надеждин. Содержание имеет сходство со структурой его доклада «Об этнографическом изучении

народности русской» [Васкул 2012: 460]. В 1852 году было оформлено второе издание программы с названием «Программа для составления местных этнографических описаний» [Васкул 2012: 462]. Следующая версия 1877 года не претерпела значительных изменений. Предметы исследования исследуемого народа распределялись по шести отделам: «I. Относительно наружности. II. О языке. III. Домашний быт. IV. Особенности общественного быта. V. Умственные и нравственные способности и образование. VI. Народные предания и памятники» [Васкул 2012: 463]. Собираение разных жанров фольклора являлось значимым, и они были разделены между разделами «Домашний быт», «Умственные и нравственные способности и образование» и «Народные предания и памятники» [Васкул 2012: 463].

Во второй версии раздел с описанием «домашнего быта» был более подробным. Третья версия программы «отличается еще большей упорядоченностью и четкостью» и содержит такие разделы, как «I. Физические свойства, наружность, внешние признаки и т.п., II. Умственное и нравственное развитие, III. Язык, народные предания и памятники. IV. Домашний быт» [Васкул 2012: 464]. В программе предлагается составлять отдельные тома по губерниям или вообще по отдельным краям государства (о которых найдено больше материалов), вместо одного общего тома для всей России [Васкул 2012: 467].

В «Корректуре этнографической программы» 1875 года подчеркнуто, что сведения должны собираться на месте экспертами, которые знают язык, культуру и традиции изучаемого народа (в том числе, русского). В документе предлагается также обратить особое внимание на простой сельский народ и на средние классы горожан⁴. Предлагалось изучать не только собственно народный язык, но и язык образованных классов, и необходимо было сообщать о различных грамматических особенностях [Васкул 2012: 469]. Важным считалось описывать местные «промыслы, рукоделие и ремесленность, с обращением главного внимания на местные особенности в способах и орудиях их производства, и также народные способы увеселения как музыка и танцы» [Васкул 2012: 470]. Нужно было детально передать типы одежды и домашней утвари, вместе с ежедневной и праздничной едой [Васкул 2012: 470]. При сборе материалов по разделу «Умственные и нравственные способности и образование» (новая версия предыдущего раздела «Умственное и нравственное развитие») важно было замечать степень «понятливости, сметливости, рассудительности народа» и также давать сведения о «числе грамотных, как мужчин, так и женщин, и как они обучаются грамоте» [Васкул 2012: 470]. В конце, под пунктом, названным в «Корректуре» «Народные предания и памятники», возникает вопрос о необходимости анализа «остатков старины, где таковые

---

⁴ Ссылка автора: Корректурa этнографической программы РГО 1848 г. Описание рукописей ученого архива ИРГО, сост. В. Н. Майковым // Изв. ИРГО. СПб., 1875. Т. 11. Вып. 1. Прил. С. 1—16; 1876. Т. 12. Вып. 3. Прил. С. 17—32.

есть, как-то: насыпей, курганов, могил, признаков старых зданий или сельбищ» [Васкул 2012: 471].

2.4. Этнографические свидетельства о коренных жителях края в «Живописной России»

После анализа концепций развития этнографической науки в России второй половины XIX века и ее основополагающих программ обратимся к этнографическому очерку «Живописной России» - «Коренное население края». В его подзаголовке уточняются специфические темы, которые там изложены: «Латыши и Эсты – их нравы, обычаи, язык и народное творчество в эпоху завоевания края Немцами и в настоящее время». Текст передает разные ключевые элементы, упомянутые не только в программе РГО, но и преимущественно в программах Бэра и Надеждина. Как было сказано ранее, и та, и другая программы определяли сравнительный метод как существенный для этнографической науки. В этой связи на страницах очерка может быть выделена схема двойного сравнения. Так что, с одной стороны, древние латыши сравниваются с древними эстонцами, а с другой – они же с современными представителями этих двух народов. В дальнейшем древние и современные народы сравниваются между собой, чтобы показать, как немецкое владычество изменило процесс развития эстонцев и латышей. Немецкое завоевание стало четкой разграничительной линией между древними временами и современностью. Последняя оказалась суммой достоинств в образовании и признания за коренными жителями собственной национальной идентичности.

Хотя наша работа касается конструирования образа эстонского народа, мы также сообщим некоторые этнографические данные и о латышах, так как они кажутся функциональными, через положительное или отрицательное сравнения, для построения образа эстонцев.

Древние латыши

С самого начала текста упоминается, насколько существенной была разница между двумя коренными народами [ЖР: 173]. Потом имеется описание древней истории латышей, происхождение которых восходит, по мнению авторов, к народу герулов (известному из-за разграбления Рима в 476 н.э.) [ЖР: 173]. Упоминается, как в древности у них отсутствовало государственное устройство, и следуют описания их дома, домашней утвари, одежды, по программе Бэра и РГО. Несмотря на некоторые негативные привычки (многоженство и покупка жен, а также продажа дочерей в рабство), нрав латышей описывается положительно.

Их характер кажется склонным к «более к мирным занятиям, чем к воинственным делам» [ЖР: 173]. Данный факт используется при сравнении с эстонцами, которые показаны как «воинственные соседи», от которых «латыши много терпели» [ЖР: 175]. Латышский характер также описывается как веселый и склонный к праздности. Текст подробно фокусируется на языке латышей. Об этом говорится после изложения других элементов (например, «домашнего быта», нравов, религии), и роль языка в определении народной идентичности оказывается значительной.

В «Живописной России» язык «Литовско-латышского племени» обозначается как принадлежащий «к великому индо-славяно-германскому семейству, и именно к славянскому его отделу: сходство латышского языка со славянским подтверждается отсутствием в обоих языках буквы *φ*, богатством твердых, мягких и шипящих звуков и сходными окончаниями склонений и спряжений» [ЖР: 177]. Более конкретно сходство указано с русским языком, например, «в возвратных глаголах — на *ees*, в тех случаях, где в русском языке ставится *ся*» [ЖР: 177]. Особенно важным в «Живописной России» является подтверждение мнения Бэра, который, вместе с другими учеными, заключил, «что Латыши и Литовцы происходят от славянского племени» не только «по языку, гораздо более похожему на славянский и русский, чем на готский, но и по наружному типу, по которому Латыши ближе подходят к Славянам, чем к Германцам» [ЖР: 177].

Близость латышей к славянам не ограничивается языковыми и физико-антропологическими особенностями, но подтверждается в положительном отношении к гостеприимству. Действительно, далее авторы «Живописной России» замечают, как «баня была у Латышей в таком же почете, как и у Русских» [ЖР: 177], и также традиционные латышские музыкальные инструменты показаны, как вариант «из балалайки русских». Последнее сравнение можно заметить в описании балтийского язычества, когда к названию латышского бога «Перкуна» передается в скобках название «Перуна», именно в русском варианте теонима, как будто это был перевод собственного термина.

Таким образом, описание древних латышей дано как конструирование образа «своего чужого» по отношению к русскому народу; так что предки латышей оказались гостеприимными людьми, любителями бани и музыки, добродушными и миролюбивыми, в противоположность их воинственным соседям эстам, которые играют здесь роль образа «чужого». Можно сказать, что «свой чужой» и «чужой» оформлены как два полюса бинарной оппозиции.

Древние эсты

О древних эстах текст «Живописной России» повторяет, что они принадлежат «к тому огромному племени Финнов, или, как называли их Славяне, Чуди». По поводу этимологии

авторы «Живописной России» замечают, что «название эстов произошло, по всей вероятности, от восточного, по отношению к Европе, положения их страны» [ЖР: 173]; в предыдущей главе мы подробно обсуждали данную тему и связанные с ней теории. Предки эстонцев изображены как люди крайне дикие и бедные, и приводится цитата из Тацита, согласно которой - «безопасные от людей, не боящиеся богов, они достигли самого трудного в жизни — ничего не желать» [ЖР: 184]. Кроме Тацита, авторы «Живописной России» ссылаются на летописи, в которых древние эсты были описаны как «свирепые, сильные, коварные, мстительные», однако также «храбрые, твердые в своем слове и упорные в сопротивлении врагам». В итоге их воинственный образ выглядит еще более заостренным в сравнении с древними латышами: последние даже называли эстов «забияками», потому что «во время споров, рассерженный эстонец всегда готов доказывать свою правоту кулаком» [ЖР: 184].

Следуя программе Бэра и Надеждина, авторы «Живописной России» дают информацию о физической антропологии, говоря, что эсты «по образованию черепа приближались, как и все финские племена к монгольской расе» [ЖР: 184]. Такое утверждение в тексте в описании эстонского народа могло быть важно в качестве демонстрации «инаковости» эстонцев, отличающихся и от латышей, и особенно от русских, но в дальнейшем оно не обыгрывается. В любом случае, эта концепция присутствовала во времена К. М. Бэра, который считается инициатором антропологических исследований эстонцев, но теперь она была повсеместно опровергнута [Неарост 2016: 94]. Современная антропология определяет эстонский тип как тип европеоидов «западной и восточной Балтики» [Неарост 2016: 94].

Далее в тексте отмечается, что древние эстонцы жили в избах с одной комнатой, где были лавка и стол. По мнению авторов «Живописной России», «теснота помещения и необходимость, вынуждавшая постоянно жить в избе, способствовали сильному развитию глазной болезни и слепоты» [ЖР: 185]. Напоминаем, что «расположение к болезненности» было указано в докладе Надеждина как один из элементов описания в физической этнографии, вместе с питанием народа, о котором в тексте говорят, как о преимущественно растительном; крепкого алкоголя не было. В дальнейшем сообщается об украшениях древних эстов, которые часто оказывались военными трофеями, полученными во время морских набегов, они также не пользовались деньгами и не изготавливали стекло. Их вооружение было эффективным, даже при условии, что щиты не использовались. На острове Сааремаа умели строить метательные машины. В целом эти и похожие детали продолжают описание «чуди» Ливонии, как особенно воинственных и агрессивных людей (в частности, сааремасцы играли эту роль) в сравнении с «мирными» латышами.

Таким образом, авторы «Живописной России» пишут, что, кроме обычных занятий, связанных с хозяйством тогдашнего времени (по крайней мере, до нападения немцев в XII-XIII вв.), «самым любимым и выгодным промыслом были для Эстов морские разбои. Смелостью в них отличались в особенности жители островов» [ЖР: 186]. Их жестокость также кажется авторам замечательной, поскольку «на войне Эсты были страшны своею отчаянною храбростью; с попадавшими к ним в плен врагами они поступали бесчеловечно жестоко: бывали примеры, что они жарили их живыми или распинали» [ЖР: 186]. В практике многоженства они не отличались от Латышей, и «жен своих они или покупали, или похищали; женский пол находился в рабском состоянии у мужей, не меньшем чем и у латышского народа» [ЖР: 186]. Враждебность Эстов еще подчеркнута в тексте тем фактом, что несколько деревень жили «между собою в раздоре и часто даже нападали один на другой» [ЖР: 186]. В торговле эсты имели контакте не только со Скандинавией, но также с Новгородом и Псковом.

На страницах «Живописной России» обращают много внимания на народное творчество и религию эстов. Древняя религия описывается как генотеизм (существуют разные божества, а одно является самым важным). Главное названия божества - это «Тара» (или Таара) и «Юмала», первое изображено в виде старца, его синоним - «Vannemees», т.е. «старый отец». Его релевантность показана в предполагаемой этимологии названия города Дерпта, которое «происходит, надо полагать, от того же слова: Тарбат, Дорпат» [ЖР: 186]. На Сааремаа, «Эзеляне выражали это понятие словом Тарапита, что значит: «Тара, помоги!»». Однако такое толкование было опровергнуто современным эстонским лингвистом Урмасом Сутропом, по мнению которого «значение имени Таарапита может быть «Таара (великий)» или «Таара, Великий» [Sutrop 2004: 56]. Интересно заметить, что тот же самый теоним имеет лингвистические связи с местом, уже упомянутым в «Памятниках древности» как «Развалины древнего замка Торейды (ныне Трейден)» [ЖР: 148], где язычники приносили жертвоприношения, так что значение название Торейды «иногда интерпретируется как сад Таара» [Sutrop 2004: 56].

ГЛАВА 3

Современное состояние края в описании «Живописной России»

После анализа этнографического описания предков коренных жителей балтийских губерний в «Живописной России» продолжаем рассмотрение других очерков, которые передают современное состояние страны до 1881 года. Данное состояние описывается через глубокий анализ различных областей жизни в крае, таких как экономика, внутреннее административное устройство, важнейшее города, и положение крестьян.

3.1. Крестьянский вопрос в Остзейских губерниях

До второй половины XIX века большинство коренных жителей Эстонии были крестьянами [Jürjo 2012]. Именно в данном веке вопросы, касавшиеся крестьянской реформы, были актуальной темой в российской империи и в российской прессе не только по отношению к Прибалтике, но и всей территории, особенно после либеральных реформ 60-х годов.

Тому, что касается крестьянского вопроса в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, «Живописная Россия» посвящает очерк четвертый «Крестьяне в Прибалтийском крае» [ЖР: 191]. Текст начинается с исторических причин, которые вынудили коренные народы стать крепостными. Их подчинение имеет древнее происхождение, которое вытекает из немецкого завоевания. На самом деле туземцы не сразу были сделаны рабами, потому что «папские буллы, направлявшие крестоносцев против прибалтийских язычников, воспрещали отнимать у последних свободу, если они примут христианство, и пока останутся христианами» [ЖР: 191]. Неоднократно говорится о нежелании туземцев и, в частности, эстов принимать христианство, и подчеркивается роль языческой религии в народном характере эстов, которые «оказали даже чрезвычайно упорное сопротивление пришельцам и что многие из принявших христианство снова обращались в язычество» [ЖР: 191]. Данное сопротивление давало немцам законное право на порабощение коренных жителей, и крепостное право ужесточалось там, где было больше противостояния.

Постепенно, с XV в., почти все коренные жители страны стали рабами, и авторы «Живописной России» отмечают, что «наиболее тяжело отразилось крепостное право на эстонских крестьянах», поскольку они, «одаренные от природы и большую энергию, и большой любовью к независимости», «часто прибегали к кровавым попыткам освободиться от тяжелого ига, но подавленные силою, подпадали им еще более тяжелые условия существования» [ЖР: 193]. О подобных событиях авторы «Живописной России» уже упомянули в первом очерке, когда речь шла о восстании Юрьевой ночи в 1343 г. Далее текст «Живописной России» передает свидетельство из главы хроники остзейского пастора

Балтазара Руссова (около 1540 — 1600) - «Доброе старое время в Ливонии», в которой очень подробно анализируется бедное и тяжелое состояние местных жителей и роскошный и грешный образ жизни немецкого дворянства [ЖР: 193-196]. Согласно Руссову, именно данный образ, в его моралистическом прочтении истории, спровоцировал Ливонскую войну.

Во время польского правительства угнетение крестьян подчеркнуто указом короля Стефана Батория, который, как замечают в «Живописной России», говорит, что «такого положения низших классов не встречается даже между языческими варварами» [ЖР: 196]. Меры, установленные Речи Посполитой, в любом случае оказывались недостаточными для настоящего изменения. При шведском подчинении Эстляндии наоборот кажется, что «положение эстляндских крестьян несколько улучшилось». Король Густав Адольф, основатель гимназии и Дерптского университета (*Academia Gustaviana*), «издал распоряжение, чтобы в Дерптскую гимназию принимались и крестьянские дети, и чтобы там учили по-эстонски и по-латышски: а для того, чтобы крестьяне могли продавать избыток своих произведений, он учредил особые торговые дни» [ЖР: 196]. Однако немецкое дворянство не допустило выполнения этих мер. В дальнейшем, авторы «Живописной России» отмечают, что Карл XII, достойный противник Петра I в Северной войне (он определен как «король-герой»), «пошел еще дальше: сделал дворянству предложение освободить крестьян от крепостной зависимости» и, что также немаловажно, «повелел перевести на эстонский язык и Библию» [ЖР: 197].

«Присоединение прибалтийских губерний» к России, благодаря успешному результату Северной войны, привело к подтверждению привилегий немцев и дворянства, гарантированных Петром I, который, по мнению «Живописной России», «не имел, без сомнения, точных сведений об обширности их, а дворянство под этими правами разумело все те, которыми оно пользовалось до нововведений Густава-Адольфа и Карла XI» [ЖР: 197].

Первые попытки изменить жизненные условия коренных жителей были сделаны при Александре I. Тогда петербургское правительство, после кровавого столкновения латышских крестьян 1802 года, обратило внимание «на необходимость перемен в Остзейских губерниях» [Казекамп 2014: 114]. Первые реформы 1802-1804 гг. были поддержаны центральными властями России, и были применены немецкими землевладельцами и «несколько улучшили положение крестьян, но были выгодны и для землевладельцев» [Казекамп 2014: 114], хотя «помещикам запрещалось продавать или покупать крепостных и были созданы крестьянские суды» [Казекамп 2014: 114]. В качестве компенсации за нехватку денег и растущие долги помещики они получили новую кредитную кассу [Казекамп 2014: 114].

С распространением идей Просвещения и владычества Наполеона, когда «в 1807 году от крепостной зависимости были освобождены крестьяне соседней Пруссии» [Казекамп 2014: 115], и в Российской империи были введены новые законы, которые должны были полностью устранить положение средневекового рабства. Данные законы «об обмене крепостного права были приняты сначала в Эстляндии – в 1816 г. <...> с большой неохотой на ландтаге Лифляндии в 1819 г.» [Казекамп 2014: 116]. Тем не менее, как по словам «Живописной России», «Закон 1819 г. не только не улучшил, а скорее ухудшил материальное положение крестьян» [ЖР: 198]. Помещики перестали быть обязаны помогать крестьянам «в случае неурожая или других бедствий» [Казекамп 2014: 116]. Дальнейшие противоречия в этих законах проистекают из того, что, хотя помещики «не имели права вмешиваться напрямую в семейную жизнь крестьян, но могли применять телесные наказания <...> личная свобода не означала права покинуть поместье без разрешения помещика» [Казекамп 2014: 116].

Право крестьян иметь собственную землю осталось на бумаге, и в конечном итоге они должны были платить арендную плату за землю. По-прежнему крестьяне работали на барщине [Казекамп 2014: 116], потому что, как замечает «Живописная Россия», «закон 1819 г., определение всех повинностей и служебных отношений крестьян к помещикам предоставлял «добровольному соглашению»» [ЖР: 198]. Разумеется, подобное «добровольное соглашение» было невозможным среди представителей совсем разных и неравноправных сословий. Крестьянин «должен был соглашаться на всякое предложение, лишь-бы оно давало ему возможность прокормиться» [ЖР: 199]. Таким образом, «у освобожденных после 600-летнего тяжелого рабства людей должны были естественно пробудиться новые воззрения на экономическая условия» [ЖР: 199]. Критика аграрной реформы 1819 г., высказанная в «Живописной России», также выражалась в российской прессе, как свидетельствует монография «Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов» [Исаков 1961: 90-120,181].

Следующий этап в крестьянском вопросе в Прибалтике относится к 1840-м гг. и был детально рассмотрен в «Живописной России». В последующие после указа 1819 года десятилетия «дворянству удалось даже расширить свои привилегии» и получить подтверждение его права на землю [Казекамп 2014: 116]. В 1840-1841 гг. в крае, по причине неурожая, возник тяжелый голод, и, как говорят в «Живописной России», «крестьяне обратились сначала к помещикам, у которых амбары ломились от хлеба: потом, когда ожидаемой помощи у них не нашли, — к властям» [ЖР: 199], однако также не получили помощи. Поэтому особенно лифляндские крестьяне начали эмигрировать и «покидали свою

родину, любовью к которой всегда отличались, и переселялись в «русские» губернии» [ЖР:199].

Таким образом оформлялось переплетение причин, связанных с экономическими, политическими, национальными и религиозными вопросами [Исаков 1961: 57]. Действительно одновременно «распространились слухи, что тем, кто перейдет в царскую веру, дают землю» [Казекамп 2014: 117]. Право собственности на землю было одно из самых важных требований сельского люда, который, хотя уже получил личную свободу, страдал от повинностей и барщины, поскольку земля осталась в руках помещиков.

По словам «Живописной России», у крестьян родилось «желание исповедовать одну религию с Царем» и, в случае миграции, «с тем народом, среди которого он собирался поселиться» [ЖР: 199]. До этого момента в Прибалтике лютеранство было самой распространенной религией, однако, по мнению Исакова, оно «выступало в роли пособника помещиков, защитника особого остзейского режима» [Исаков 1961: 57]. Подобная точка зрения выражена и в «Живописной России», когда говорится, что пасторы «более пекутся о распространении своего собственного рационального хозяйства и в случае берут сторону помещика, а не крестьянина» [ЖР: 200]. Затем, «когда в 1840-е гг. в Прибалтике поднялась волна антифеодального крестьянского движения, вызванного совершенно невыносимым положением крестьянства и голодом, то оно зачастую принимало форму отказа от немецкой веры [Исаков 1961: 57].

Данное движение привело к спонтанному массовому обращению крестьян в православие [Казекамп 2014: 117]. Они «начали толпами приходить в Ригу» и в другие города, где было возможно регистрироваться у православных священников [ЖР: 199]. Генерал-губернатор Прибалтики того времени, остзейский барон Пален в своем докладе петербургскому правительству обвинил в подстрекательстве «неблагоденных людей» и в особенности православное духовенство без упоминания бедственного положения народа [ЖР: 199]. Дворяне очень боялись, что «произойдет нечто в роде Варфоломеевской ночи» [ЖР: 199]. Опасность восстания была реальной, по крайней мере, восстания социального характера, и, как пишет Казекамп, попытки бунтов в тот период были многочисленными, например, в 1841 г. в Яунбербе и в 1842 г. в Веселава [Казекамп 2014: 117]. После прибытия крестьян в Ригу, по мнению авторов «Живописной России», епископ Иринарх оказался единственным лицом, у которого крестьяне «находили человеческое обращение» [ЖР: 199]. На «предложение барона Палена не принимать крестьян, а отправлять их к гражданскому начальству» рижский епископ отказался это делать [ЖР: 199].

Правительство начало препятствовать обращению крестьян в православие, а местная власть даже наказывала за это, но такие меры не могли остановить данного процесса. Затем

министр внутренних дел Строгонов заявил, что следует приписывать положение в «Лифляндии не подстрекательству православного духовенства, а бедности крестьян, недостатку в хлебе и обременению работами на помещиков» [ЖР: 199]. Текст «Живописной России» подтверждает, что сам император разделял взгляды Строгонова против мнения Палена.

Как и в другие эпохи, «крестьяне верили в «доброе царя» и были убеждены, что землевладельцы скрывают или не желают проводить новые законы, которые царь издал на пользу им» [Казекамп 2014: 117]. Однако российское правительство было в затруднительном положении. По словам Исакова: «С одной стороны, в России православие считалось официальной государственной религией и поддержка ее входила в основу основ правительственной политики Николая I», а «с другой стороны, в Прибалтике православие соединялось с народными волнениями» [Исаков 1961: 58]. В конечном итоге, «движение было подавлено при содействии войска, а преосвященный Иринарх 12 октября 1841 г. был тайком и окольными путями вывезен во Псков» [ЖР: 200]. Впоследствии крестьяне, не находившие поддержки у властей и «осознавшие, что переход в новую религию им ничего не дал, кроме новых притеснений, начали массами переходить обратно в лютеранство», хотя это было запрещено законами империи [Исаков 1961: 58]. Такой факт не упоминается в «Живописной России». После подавления движения государство отправило графа Перовского в Лифляндию, чтобы получить подробную информацию о ситуации. Он описывал картину с точки зрения коренных жителей страны и писал министру внутренних дел, что «высшее начальство здешнего края и остзейские дворяне всегда с гордостью говорят, что на их крестьянах нет недоимок», но это было вызвано тем, что крестьянам нужно было недоимки «возвращать не наличными деньгами, а рабочими днями» [ЖР: 200]. Согласно Перовскому, землевладельцы отвергали любой вид меритократии, потому что «самовластие и несправедливость некоторых помещиков не смиряется даже перед хорошим трудолюбивым крестьянином» [ЖР: 200].

Подводя итоги причин неудовлетворительного экономического положения крестьян, он объясняет положение работника: «перейти к другому помещику он не может: переселенцев они не принимают, это условие между ними, хотя тайное, но соблюдается всеми <...> Вот причины, породившие в крестьянах сначала ропот, долго таившийся от высшего правительства, а потом — решимость покинуть родной край и искать лучшей участи в отдаленных странах Империи, им совершенно чуждых» [ЖР: 200]

О том, что касается религиозного вопроса, граф Перовский подчеркивает то, как «Намерение крестьян перейти в православие, несмотря на все наказания, становится фанатизмом. Они объявляют, что если их половины не станет, или всех сошлют в Сибирь, то и тогда не

перестанут желать быть одной веры с своим Государем <...> Большая часть помещиков желает, чтобы крестьяне были усмирены силою оружия» [ЖР: 200]

Спор о вере не теряет важности; авторы «Живописной России» также передают точку зрения остзейцев, полагая, что в противостоянии обращению в православие «с своей точки зрения балтийские немцы были, пожалуй, правы, когда с такой энергией накинулись на движение народа к православию: лютеранство было единственным звеном, соединяющим их с народом, придающим краю некоторую целостность и оберегающим его обособленность» [ЖР: 201]. Здесь можно увидеть отражение того, что дворяне уже начали искать способ приближения коренных жителей к себе, в том числе, в религии, что впоследствии стало прямой попыткой германизации. Тем не менее, обращение «к русской вере» с 1845 года продолжалось в большом количестве до того момента, когда «более ста тысяч эстонцев и латышей стали православными» [Казекамп 2014: 117].

В «Живописной России» говорится о том, что, несмотря на строгие наблюдения «за сношениями крестьян с православным народом, приходящим (в Лифляндию) из Пскова по торговым делам» и несмотря на наказание, «Эсты и Латыши продолжали стоять на своем: «быть с государем и с русским народом одной веры» [ЖР: 201]. Высокое количество обращений также испугало барона Палена, который боялся настоящего бунта даже больше, чем в 1841. Текст «Живописной России» сообщает ответ императора на просьбу помещиков, чтобы послать войско против крестьян. Государь заявляет, что «движение крестьян имеет только религиозный характер и правительство не может препятствовать желающим присоединиться к государственной церкви» [ЖР: 201].

В то же время правительство осознавало «необходимость коренного изменения поземельных законов в Остзейском крае» [ЖР: 200] и в связи с этим направляет доверенного чиновника в Лифляндию - дворянина итальянского происхождения Липранди. Его доклад успокаивает словами о невозможности проявления бунта и о религиозной природе движения, потому что «обращаются в православие, массами, и казенные крестьяне; на все вопросы о причине обращения в православие, крестьяне отвечают одно: «Государь один в России, поэтому и вера должна быть одна; русская вера есть самая древняя, потому что идет из Иерусалима, а лютеранская — самая новая» [ЖР: 201]. Насколько этот ответ отражает настоящую ситуацию, трудно оценить, но можно заметить соединение религиозных вопросов с социальными и даже с национальной принадлежностью (быть едиными с русским или с немцами благодаря вероисповеданию).

Отчет Липранди вместе с крестьянскими волнениями убедили правительство в необходимости дальнейших мер по облегчению отчаянного положения крестьян [Казекамп 2014: 117] и привел к изданию нового закона. Таким образом «в 1849 г. было издано

Крестьянское и поземельное уложение», и, по словам авторов «Живописной России», данный закон совершенно изменил «положение крестьян относительно помещиков». Он «не только освобождал арендатора от зависимости по отношению отдатчика, но и предоставлял ему значительную свободу действий» [ЖР: 202], еще и барщина сделана временным переходом к арендной плате за землю.

Тем не менее, хотя авторы «Живописной России» передают положительное суждение о реформе, с точки зрения Исакова, такие реформы, «проведённые уже в процессе массовых волнений крестьян 1840—50-ых гг., не улучшили положения народа» [Исаков 1961: 5]. После этого в первой половине 1860-х гг. было издано новое «Положение о крестьянах», о котором в «Живописной России» отмечается, что «по отношению к условиям крестьянского пользования землею, удержаны были основания Уложения 1849 г. и никаких существенно-новых правил не выработано». Все-таки «в него вошли некоторые новые меры для поднятия материального быта крестьян» [ЖР: 202].

Что касается специфических условий жизни в Эстляндии, то они были похожи на условия жизни в Лифляндии, хотя и немного хуже для крестьян. Во-первых, упоминается «Уставная грамота» 1816 года, которая «не дала крестьянину и свободы переселяться в другие губернии: за самовольную отлучку из Эстляндии он отдавался в рекруты в зачет за его волость. Вообще эстляндские крестьяне при освобождении от крепостной зависимости очутились еще в худшем положении, чем лифляндские» [ЖР: 203]. Во-вторых, в 1856 г. издан указ, образцом для которого стал указ Лифляндии 1849 года, однако в тексте замечается, как «для введения его в действие необходимо было, по отделении помещичьей земли от крестьянской, размежевать, проверить и оценить все крестьянские наемные усадьбы, на что определен был десятилетний срок» [ЖР: 203]. Такая задержка в осуществлении указа привела к открытому восстанию, «для усмирения которого вызвано было войско. Восстание было, конечно, подавлено, и 59 чел. подверглись более или менее тяжелому наказанию» [ЖР: 204]. Важно также обратить внимание на описание ранее упомянутой воинственной природы эстонцев, которая перетекает в бунт.

В конце параграфа об аграрных реформах подчеркивается, как мало было сделано для коренных жителей, о чем свидетельствует интенсивное переселение эстонцев на берега Волги, которое началось в 60-е гг. [ЖР: 204].

3.2. Современные эстонцы в «Живописной России»

После описания социального положения крестьянского сословия в Прибалтике, состоявшего в то время исключительно из коренных жителей, посмотрим на то, как изображены эстонцы времен издания «Живописной России». Речь о них идет преимущественно в продолжении третьего очерка «Коренное население края».

По мнению авторов «Живописной России», эстонец сохраняет в своем характере качества древнего типа, в большей степени, чем современный латыш, с которым еще ведется сравнение. Данные древние качества - «суровость, бесчувственность, мстительность, упорная настойчивость, неустрашимость и твердость в данном им слове» [ЖР: 187]. Если эти характеристики кажутся довольно негативными, твердость и суровость оцениваются в контексте позитивно, потому что они делают эстонца хорошим работником и, можно предположить, лояльным подданным. Как в других отрывках текста, жители островов отличаются от жителей материка. Они были уже упомянуты как особенно воинственные и жестокие в древние времена, а здесь подчеркивается их высокой рост и красота [ЖР: 187].

В тексте «Живописной России» анализируется психология эстонцев, следуя за программой Надеждина, и, хотя на первый взгляд их умственные способности кажутся неразвитыми и даже ограниченными, в конечном итоге говорится, что эстонцы обладает «умом острым и логичным, и в то же время несколько лукавым» [ЖР: 187]. Их условия жизни, а также их жилища и питание показаны как неизменные в течение 600 лет.

Чтобы объяснить внешнее сходство образа жизни бедных и богатых эстонцев, авторы «Живописной России» предлагают рассмотреть черты народного характера, такие как привязанность к древнему образу жизни, тенденция к консерватизму, а также «склонность к бережливости», в отличие от современного латыша, который используется как образец для сравнения. Последний кажется авторам более склонным к роскоши, хотя он чище в домашнем быте, чем эстонец [ЖР: 188-189].

Образование и национальность

Современный период (т.е. в последние десятилетия XIX века) совпадает с периодом национального пробуждения эстонского народа. Развитие чувства национальной принадлежности является частью реконцептуализации фундаментальных понятий общественной сферы. По мнению Казекампа, данная реконцептуализация привела к изменению стандартной категории, определяющей принадлежность, которая становилась не сословием, а этносом [Казекамп 2014: 125].

Одно из последствий отмены крепостного права стала возможность для коренных жителей получить образование. С течением времени изменялись предыдущие экономически-сословные разделения, которые в основном опирались на бинарную оппозицию между местными крестьянами и остзейскими землевладельцами. Новое понятие этнической принадлежности выросло параллельно с развитием образования и общественной жизни и благодаря им. «Живописная Россия» замечает, как «все более и более пробуждается в них <эстонцах. – Д.Г.>, как и в латышах, сознание своей народности» [ЖР: 190]. Впервые за много столетий коренные жители вновь открывают для себя свою идентичность, и она отличается от идентичности правящих классов.

По мнению «Живописной России», просвещение улучшило также «дурные качества» эстов, которые «все более и более сглаживаются, а хорошие ярче выступают наружу» [ЖР: 187]. Можно говорить о настоящей антропологической революции, хотя это противоречит нарративу об устойчивости древних качеств у современных представителей эстонского типа. Но до этого были необходимы первые труды любителей местных культур.

Сначала в первые десятилетия XIX века просветители и исследователи эстонского языка и культуры были в основном остзейцами и русскими, которые воспринимали эти предметы как предмет научного интереса. Они хотели сохранить эти сведения для следующих поколений, веря, что коренные народы исчезнут в пространстве доминирующей культуры, т.е. немецкоязычной [Казакамп 2014: 125]. Аналогичный процесс происходил, фактически, в соседней Пруссии, в которой коренный язык туземцев, древнепрусский, вымер в начале XVIII века, и говорящие перешли на немецкий. Однако в Прибалтийских губерниях ситуация развивалась по другому пути. Интересовавшиеся местной культуры сумели создать литературные общества. Таким образом в 1838 г. в Дерпте было создано «Ученое эстонское общество», где делопроизводство шло на немецком [Казакамп 2014: 125]. «Ученое эстонское общество» играло важную роль в развитии эстонской литературы, культуры и языка, и именно внутри него, благодаря Ф. Крейцвальду и Ф. Фельману, ожило фундаментальное произведение эстонского эпоса «Kalevipoeg».

На страницах «Живописной России» подчеркивается функция «Калевипоэга» (сын Калева, мифологический великан, от которого, по легенде, герои древней Эстонии проследили свое происхождение), как эпической поэмы, памятника народного творчества, связанного с эстонскими сагами [ЖР: 190]. Внутри него «сложилось много сказаний, живших в устных преданиях народа до тех пор, пока в 1862 г. все они не были собраны в одну поэму и изданы доктором Крейцвальдом, природным эстом» [ЖР: 187].

Можно рассматривать эту поэму и ее успех как следствие романтического национализма, который намеревался искать следы «национального» или «народного духа», выраженных в

фольклоре, и найти в нем исторические корни нации. Народный дух также проявляется через язык, который определяет мышление и влияет на народный характер (это, кстати, стало началом гипотезы лингвистической относительности). С связи с этим интересно рассмотреть замечание «Живописной России», по которому «язык эстов весьма благозвучный и отличается отсутствием иностранных слов» [ЖР: 189]. Вероятно, эта «лингвистическая чистота» усиливает национальный характер.

Согласно Казекампу, в этом контексте «народы, добивавшиеся признания, пытались доказать свою ценность, конструируя славное прошлое» [Казекамп 2014: 126-127]. В случае эстонского национального сознания, данное славное прошлое находилось в периоде до завоевания страны немцами и совпадает с мифической атмосферой, отраженной в образе Калевипоэга, который, между прочими, воевал против «темных рыцарей».

Другой способ выражения «народного духа», который стал «известным символом движения по созданию обществ и национального движения в целом, являются певческие праздники» [Казекамп 2014: 130]. Первый эстонский национальный певческий праздник имел место в связи с празднованием в 1869 г. 50-летнего юбилея так называемого «освобождения» крестьян в Лифляндии и был организован обществом «Ванемуйне» в Дерпте. Празднование юбилея было главным образом остзейским, чтобы демагогически показать их хорошие намерения по отношению к коренным народам, которые теоретически получили свободу в 1819 году «благодаря помещикам». Согласно Исакову, «Русская печать с самого начала отрицательно отнеслась к этому празднованию, увидев в нём конкретную попытку провести в жизнь принцип «единения» немцев и коренного населения края» [Исаков 1961: 89]. Однако это событие было очень важно для эстонского национального сознания, потому что, как объяснил Казекамп, «собрали вместе множество эстонцев и латышей из всех Остзейских губерний и объединили их во имя общей цели, что углубило сознание общности» [Казекамп 2014: 130].

В «Живописной России» не выражается прямого мнения о событии, но эстонские песни и танцы критикуются, потому они «чрезвычайно монотонны, а плясок народных вовсе нет; их заменяют современные танцы, в особенности вальсер в несколько искаженной форме» [ЖР: 189]. Отрицание «национального характера» танцев и нерелевантности эстонских песен может быть расценено как тонкая критика певческого праздника. Тем не менее, упоминается о том, что «у эстонцев, как и у латышей, завелись свои певческие общества, число которых растёт с каждым годом» [ЖР: 189].

Наоборот появление других эстонских культурных обществ, как, например, в Ревеле «эстонское общество Lotus (Lootus), имеющее свой каменный дом», оценено положительно. Интересно упоминание об эстонском обществе в Риге, где несмотря на малое количество

эстонцев «учредилось недавно эстонское общество в ознаменование того, что на месте этого города жили единоплеменники эстов — ливы, храбро отстаивавшие свою независимость при вторжении немцев». [ЖР: 190]. Более того, само название общества «Imanta» «напоминает одного из ливских героев, от руки которого пал второй ливонский епископ Бертгольд» [ЖР: 190]. Это подчеркивает важность для авторов «Живописной России» показа враждебности ливов-эстонцев к немцам, которая исходит от древнего времени и продолжается непрерывно. К ней добавляется изображение эстонского характера как воинственного и упрямого в сопротивлении христианству.

Как свидетельство развития эстонской культуры описывается также распространение газет на эстонском языке. Их основание в основном приходится на вторую половину XIX века; в «Живописной России» отмечаются газеты «Сакала» К. Якобсона, «Эсти-Постимэс» Яннсена и «Олевик». Говорится и о газете партии младо-эстов на немецком языке «Heimat», целью которой было развивать эстонское дело в правительстве и обществе [ЖР: 190]. Затем упоминаются две проостзейские газеты на эстонском языке («Ревельский друг» и «Кюндия»), которые «выделялись не числом подписчиков, а субсидиями дворянства» [ЖР: 191]. Согласно авторам «Живописной России», «Сакала» и «Олевик» выступают за объединение края «с остальной Россией». Наоборот «Эсти-Постимэс» считается антирусским и поддержан только в кругах «онемечившихся эстов» [ЖР: 190]. Тем не менее, описывается, как «за последнее время «Эсти-Постимэс» переменял несколько свое направление и также стал работать за самобытное развитие народа» [ЖР: 190]. Упоминается, что предыдущая версия «Эсти-Постимэс», когда редакция ее была в Пярну, под названием «Перно Постимэс», основана также В. Яннсенем, который «впервые использовал при обращении к читателям выражение “eesti rahvas” («эстонский народ») вместо “maarahvas” («народ земли»), прежнего самоназвания эстонцев» [Казекамп 2014: 125]. О значении самоназвания и этнонимов мы уже говорили при анализе исторического очерка.

Эти различия между политической ориентацией в газетах отражают различные интерпретации лидеров национального движения, которые имели разные взгляды на стратегию для достижения своих целей [Казекамп 2014: 131]. Их расхождения представлены как конфликт между германофилами и русофилами. Германофилы хотели поддержки от прогрессивного «фронта остзейцев» к эстонскому делу, защищая с ними традиционную автономию губерний, между ними были Яннсен и Хурт [Казекамп 2014: 131].

С другой стороны, были русофилы, как, например, Й. Кёлер и К. Якобсон, которые искали поддержки центрального правительства против привилегий остзейцев. К. Якобсон является важным деятелем пробуждения национального самосознания эстонского народа. Кроме газеты «Сакала» (первая эстонская газета политического направления), он сотрудничал

также с газетой «Эсти-Постимэс». В своей трактовке истории он развивал идеи о золотом веке свободы первобытной Эстонии, который закончился с завоеванием немцев [Казекамп 2014: 131]. Как уже было сказано, данная концепция была частью идеологии национального романтизма.

Антинемецкие настроения

Уже в первом историческом очерке и в четвертом очерке появился контраст и противостояние, во-первых, между русскими и немцами, а во-вторых - между последними и коренными жителями края. Однако только в описании современного эстонца, именно в этнографическом третьем очерке, контраст между остзейцами и эстонским элементом приобретает характер чистой ненависти. Эта ненависть проявляется вместе с сохранением древних качеств эстонского типа в его современных представителях. Таким образом, в «Живописной России» говорится, что несмотря на успехи в образовании и другие эвентуальные изменения в течении веков, одно чувство «остается у эстов в прежней силе и не смягчается ни временем, ни другими влияниями, это — ненависть к немцам» [ЖР: 190]. Подобная ненависть осталась также в латышах. Однако ненависть латыша оказалась «результатом более рассудка, чем сердца, и потому не имеет ожесточенного характера». Наоборот «эстонцы же ненавидят немцев от всего сердца». Данное чувство исходит от различий «в характере двух народов: добродушный латыш позволяет себе скорее забыть обиду; мстительный же эстонец не забывает ее никогда» [ЖР: 190]. В «Живописной России» подобная причина показана как следствие детерминизма «этнического» эстонца, который из-за его природных качеств более склонен к этому чувству. Этот нарратив кажется функциональным в поляризации образа врага, возводя его происхождение к сумме исторических причин (например, многочисленным обидам, совершенным немцами в течение столетий рабства), вставленных в специфическую типологию характера эстонца, который менее склонен к изменениям и прощению, а склонен к увековечению древних «дурных качеств».

3.3. Эстонские города в «Живописной России»

После характеристики современного эстонского типа в представлении «Живописной России» (по этнографическим данным, культурным достижениям и упоминанию о появлении начальных антинемецких настроений, которые использованы для доказательства уплотнения фронта «русско-туземного» против немецкого), мы проанализируем, как в издании показаны города Эстонии.

Описание городов присутствует в пятом очерке «Важнейшие города Прибалтийского края» [ЖР: 207], из них представлены эстонские города Ревель и Дерпт. Население данных городов составляло по переписи 29 декабря 1881 года 50,859 жителей в Ревеле и 29,727 жителей в Дерпте [ЖР: 225 - 231]. Среди городских жителей коренные были только небольшим меньшинством; в то время как общая численность населения трех губерний составляла до 2,453,705 душ [ЖР: 275] и городское население - 398,201, в деревнях жили почти исключительно «природные жители края: Эстонцы и Латыши», которые составляли около 87% всего населения [ЖР: 276]. Таким образом, большинству местных крестьян противопоставляется меньшинство в 13% «неместных» жителей Прибалтики, почти исключительно горожан. О том, что касается вероисповедания, текст передает следующую информацию: «Православное составляет около 10% всего населения», в основном, в Лифляндии, «Лютеранское население составляет около 84% всего населения; римско-католическое с небольшим 3% и еврейское — около 2%» [ЖР: 277].

Процент латышей и эстонцев посчитан вместе, процент городского населения текст «Живописной России» передает на основании этно-лингвистических критериев, по которым 7% населения является немцами и шведами вместе, 4% - русскими (которые живут преимущественно в Риге, Ревеле, Дерпте и около Чудского озера) и поляками вместе и 2% евреев [ЖР: 276]. Полагаем, что определение германских, славянских, и коренных элементов как отдельных групп необходимо для идеологического дискурса и помогает определению уже названных «фронтов». Тем не менее, подчеркивается то, что неместные жители в городах занимаются торговыми промыслами, принадлежат к дворянству, духовенству или к классам чиновников. Отмечается, что в числе немецкого населения считают также «онемечившихся латышей и эстов, из которых одни стали бюргерами в городах, другие — землевладельцами, третьи — духовными, учеными, художниками и чиновниками. Таких онемечившихся туземцев более всего в Курляндии» [ЖР: 276]. Чтобы уравновесить эту тенденцию и в связи с национальным пробуждением коренных жителей, авторы «Живописной России» отмечают, что «онемечившиеся уже туземцы возвращаются к своей прежней народности» [ЖР: 276]. Это намекает на то, что для «Живописной России» этническая принадлежность в этом контексте не является абсолютной, но может измениться, например, при освоении культуры и языка. Это концепция говорит о том, что, если туземцы могут пройти через процесс «онемечивания» при изучении немецкого языка, они могут потом также стать «снова» латышами или эстонцами, если направлены на эти культуры.

Освоением новой культуры может считаться такой процесс, который, по словам А. Миллера, называется «аккультурацией». Под этим словом подразумевается культурное сближение одной группы с другой, заимствование культурных кодов, которое, однако, «не затрагивает

представлений о групповой принадлежности или национальной идентичности, в то время как процессы ассимиляции неизбежно с этим связаны» [Миллер 2006: 58]. Подходящим глаголом в описании этого процесса, может быть «обрусеть», т.е. «сделаться русским» [Миллер 2006: 61]. Интерес и возможность смены принадлежности, в этом случае, этнической, связаны с национальным пробуждением и национализацией масс. Как уже было сказано, предыдущие категории принадлежности, базировавшиеся на сословии, в этот период начинают терять значение.

Таким образом, коренные жители Прибалтийских губерний оказываются в центре двойной политики культурного сближения. С одной стороны, остзейцы стараются более и более «ассимилировать» туземцев (текст «Живописной России» и тогдашняя русская пресса используют термин «онемечить» в отношении этого процесса). С другой стороны, русские деятели и писатели требуют аккультурации эстонцев и латышей к русскому миру. Данную аккультурацию, согласно Миллеру, до 1881 г. неправильно называть «русификацией», поскольку это понятие содержит отрицательный акцент и насильственный фактор [Миллер 2006: 54].

Описание города Ревеля в «Живописной России»

С самого начала описания город Ревель представляется связанным с исконным присутствием древних эстонцев. Здесь на Вышгороде, прежде завоевания королем Дании Вольдемаром II, указано местоположение эстонского городища под названием Линданисе, которое считалось священной горой [ЖР: 219]. Данная гора имеет также отношение к национальному эпосу «Калевипоэг», потому что по легенде там была могила Линды, жены эстонского героя Калева.

Следующая часть истории города связана с королевством Дании, которое завоевало территорию в 1219 г. (с этим событием также связана легенда о появлении с неба флага с белым крестом на красном поле - символом победы; теперь это государственный флаг Дании). Перевод названия на эстонский язык (Tallinn) выводится «от слова Dani-Lina, т. е. город датчан» [ЖР: 219]. Акцентируется средневековый характер Ревеля, типичный для северо-западной Европы, указано на его членство в Ганзейском союзе [ЖР: 220].

Об остзейских гильдиях, важных экономических и социальных организациях со времен Ордена, отмечается, что в «Доме Большой гильдии», помимо портретов разных шведских королей, есть портрет Александра II. В «Доме Черноголовых» еще находятся портрет Ивана Грозного и картина «Нарвской битвы и эпитафия тем братьям Черноголовым, которые в 1560 г. пали в битве с Русскими» [ЖР: 221]. Данные факты представляют примеры верности остзейцев императору и России, от которых прибалтийские немцы получили уже в 1711

вписанное «рукой самого императора» Петра Великого подтверждение их привилегий [ЖР: 221].

Помимо привилегий дворянству, наследие Петра Первого в Ревеле запечатлено в дворцово-парковом ансамбле «Екатериненталь» (эст. Kadriorg). Он был основан Петром Великим, и там «сохраняется в том виде, в каком был оставлен Петром, домик, где он жил» [ЖР: 223]. Данное место является популярным туристическим объектом для всей России «для пользования теплыми и холодными морскими купаньями, для чего имеются удобные приспособления» [ЖР: 223].

Упоминаются самые важные и древние церкви, среди них церковь Св. Духа, о которой говорится, что «ныне она уступлена эстонцам», и также «Православный Преображенский собор», рядом с которым «находится небольшая Владимирская церковь, где происходят богослужения на эстонском языке для православных эстов» [ЖР: 222].

Об образовательной системе замечается, что большинство школ принадлежат дворянству, однако важно упоминание «учебных заведений, не подчиненных директору Губернской гимназии», как, например, «Александровская гимназия в Ревеле с русским преподавательским языком, открыта 20 июня 1872 г., имеет 8 кл. и один приготовительный к. для приготовления эстов в русском языке» [ЖР: 224].

Между многими благотворительными обществами в тексте «Живописной России» говорится о «Русском благотворительном обществе», которое «имеет приют для девочек и школу, в которую открыт доступ всем желающим учиться русскому языку» [ЖР: 224]. Подобные учреждения можно считать частью стратегии «аккультурации» со стороны русского правительства.

Говорится, что культурная жизнь Ревеля организуется разными клубами, театрами и обществами, между ними указано «Эстляндское литературное общество». О местных газетах: две издавались на эстонском языке («Воскресный листок для христиан» и «Ревельский друг») и три на немецком (*Revalsche Zeitung*, *Revaler Beobacher*, *Heimat*); журнал «Кюньдья», несмотря на использование эстонского языка, «очень рекомендуется народу немецкою печатью и содержится субсидиями от дворянства» [ЖР: 225]. Последний являлся пропагандистом «онемечивания».

В заключении отмечается значение Ревеля как порта, он «один из военных портов для Балтийского флота. Его военная гавань начала строиться еще при Петре Великом, в 1713 г.» [ЖР: 226]. Таким образом, Ревель показан как богатый исторический город европейского происхождения, который имеет важные связи с Россией со времен «присоединения» к ней и в котором дворяне верны к царю. Он не представлен в качестве «чужого пространства», а как

значительная европейская достопримечательность внутри империи, связанная с первобытным временем эстонского народа.

Описание города Дерпта в «Живописной России»

Речь о Дерпте в «Живописной России» начинается с упоминания трех его названий: Дерпт, Юрьев на русском и на эстонском Tarto-Linn. Город был основан в 1030 г. восточнославянским великим князем Ярославом «для утверждения своей власти в Чудской стране» [ЖР: 229]. Это поддерживает нарратив об исконной принадлежности этих земель славянскому элементу, о котором мы говорили в анализе первого исторического очерка. Впоследствии отмечается, что Юрьев остался под властью русских до 1223 года, когда страна была завоевана немцами [ЖР: 229]. Первое время владычества немцев и епископа «считается самою блестящею эпохой в существовании города; население его в то время доходило до 50 тысяч, и вместе с Ригой и Ревелем он был членом ганзеатического союза с правом голоса» [ЖР: 229].

Прогрессирующему упадку города способствовали и русские, которые разрушали этот город в разные войны в XV-XVI вв. С «присоединением» Дерпта к России замечается, что Петр Первый отправил в ссылку всех жителей на 6 лет потому, что они воевали на стороне Швеции в Северной войне [ЖР: 230].

Вышгород Дерпта упоминается как «единственное и превосходное место для прогулок». Его территория принадлежит университету, и там находятся обсерватория, клиника, анатомической театр, «а в одной части развалин католического монастыря Св. Дионисия устроена была университетская библиотека» [ЖР: 230].

Особенно значимо утверждение «Живописной России» о том, что «не только ни один уездный, но, пожалуй, и губернский город в России не может сравниться с Дерптом» своими образовательными учреждениями. Тем не менее, большинство этих учреждений подчинены остзейцам, а также имеется «Дерптское русское городское училище, преобразованное в 1877 году из элементарного, основанного в 1827 году; содержится правительством» [ЖР: 230]. Ключевой фактор, поднимающий роль этого города, — это университет. Говорится, что «город имеет веселый, приятный и чистый вид, хотя особенно выдающихся красотой или богатством строений в нем, за исключением университетских зданий, нет» [ЖР: 230].

Дерптский университет и угроза онемечивания

Дерптский университет имеет большое значение для «ученого характера города». Впервые, как сказано в «Живописной России», здесь при Густаве Адольфе была основана «гимназия, вскоре преобразованная в университет, которому даны были упсальские привилегии». Однако, согласно авторам «Живописной России», такое заведение прекратило свое существование из-за бегства профессоров во время Северной войны [ЖР: 232].

Следующее высшее учебное заведение, первое в российской Прибалтике, - это Дерптский университет. Он не является на страницах «Живописной России» производным от предыдущего шведского университета, но приписывается императору Александру I, который предоставил дворянству возможность создания нового университета в 1802 «в Дерпте и пожаловал ему, кроме Вышегорода и всей местности, бывшей под крепостью, 240 лифляндских гаков из казенных мыз»⁵ [ЖР: 232].

Цель университета было, по манифесту императора, «распространение человеческих познаний в *Русском государстве* и заодно образование юношества на службу *отечеству*». Университет получило наименование Императорского, и ему было даровано «право иметь свою расправу над членами и подчиненными, производить первоначальные следствия по уголовным над ними делам, иметь свою цензуру для книг, издаваемых его членами, получать беспрепятственно заграничные издания для себя, выбирать себе ректора, на утверждение которого должности испрашивать» [ЖР: 232].

Авторы «Живописной России» не акцентируют того факта, что данное учреждение было в подчинении остзейского дворянства и что вместе с русским и, вероятно, в большинстве случаев было использовано немецкое название «Kaiserliche Universität zu Dorpat», о чем в «Живописной России» не упоминается.

Далее перечислены некоторые из самых известных ученых русского происхождения в Дерптском университете, среди которых «Воейков, Пирогов и Котляревский». Во время открытия в университете было 19 студентов, «в настоящее время их более 1200-300 уроженцев внутренних губерний» [ЖР: 232]. В связи со студентами упоминаются студенческие корпорации (где запрещено говорить о политике). Они упорядочены по происхождению. Была также русская корпорация, которая прекратила свое существование, предполагается, что будет оформлена одна корпорация для эстонцев [ЖР: 233].

Дерптский университет и город Дерпт оказываются центром эстонской культурной жизни, поскольку здесь было создано «Ученое эстонское общество», имеются три газеты на

---

⁵ По Малому энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона 1907, гак - это «кадастровая мера, принятая в Лифляндской губернии при оценке поземельной собственности <...> долгое время цена гакена принималась в 1000 талеров» и соответствует около 8-12 гектара.

эстонском языке (напротив, только одна на немецком) и певческое общество, которое способствовало проведению первого певческого праздника (общество «Ванемуине»).

Кроме университета, в Дерпте развиваются народные школы, с 60-х годов - в целом в трех губерниях, однако почти все они - лютеранские. О православных приходах, хотя в Эстляндии насчитывалось только 7, текст «Живописной России» отмечает, что преподаются «Закон Божий, местный язык (чтение и письмо)» [ЖР: 234].

Указывая, что состояние народного образования в Прибалтике сравнительно хорошее, авторы издания возвращаются к обсуждению проблемы, которая, как мы считаем, лежит в основе всего повествования «Живописной России»: конфликтные отношения между тремя элементами - русским, местным и немецким. Самое большое опасение в рамках образовательной системы состояло в том, что школы, управляемые дворянством и лютеранским духовенством, «служат самым верным средством для онемечивания эстов и латышей» [ЖР: 235].

Подобная проблема, как уже было сказано, началась только с отмены крепостного права, потому что до этого периода немецкоязычная элита не проявляла интереса к тому, чтобы делиться языком и культурой со своими рабами, и, как говорится в «Живописной России», вовсе не думала о германизации местных жителей [ЖР: 235].

Впоследствии идея увеличения сохранности немецкого элемента через онемечивание значительно усиливается, и, как сообщает «Живописная Россия», «в 1862 г. лютеранский епископ Вальтер» заявил в ландтаге, «что германизация латышей и эстов составляет священный долг и важнейшую политическую задачу дворянства» [ЖР: 235]. Таким образом, борьба за культурное «завоевание» туземцев переплетается с доводами духовенства, в результате чего конфронтация также выходит на религиозный уровень.

Однако правительство и местные русские деятели, кроме того, чтобы направлять усилия на аккумуляцию в свою культуру, были готовы «оказать поддержку формированию особой национальной идентичности некоторых групп, которые были мишенью альтернативных проектов ассимиляции и культурной экспансии, ради того, чтобы заблокировать усилия более мощных конкурентов», т.е., в этом контексте, остзейцев [Миллер 2006: 66-67].

Рост народных школ на немецком языке приводил к увеличению числа германизированных туземцев, что в соответствии с данными, представленными в «Живописной России», в 1835 г. простиралось до 200 жителей в год, а после 1862 г. выросло до 6000 в год [ЖР: 235]. Этот результат следует отнести к хорошему уровню данных школ, а также к поддержке дворянства. Одновременно авторы «Живописной России» жалуются, что «крайне жалкое положение православных школ» мешает коренным жителям изучать русский язык и продолжать процесс аккумуляции. Более того, по мнению «Живописной России»,

приближение к русской культуре идет рука об руку вместе с пробуждением своей национальности у эстонцев и латышей, которые очень стараются изучать русский язык, потому что они знают, что «благо их зависит от полного слияния их края с остальной Империей» [ЖР: 235]. О том, что местные люди могли в этот момент стремиться к какой-либо форме независимости, кажется авторам совершенно невероятным. Их будущее представляется либо быть наиболее связанными с Россией, пока не насильственно, и сохраняя свой язык, либо раствориться в немецкой культуре. Первое мнение выражают, как уже было сказано, национальные активисты-русофилы. Согласно «Живописной России», через локальные газеты местная интеллигенция просит вывести народные школы из-под влияния помещиков и перевести в ведение министерства просвещения, которое должно заменить немецкий язык на русский [ЖР: 235]. Тем не менее следует помнить, что самое важное для российского государства не являлось в это время утверждение национальной идентичности, а лояльность. По мнению Миллера, данная лояльность была «не только политическая, но и выраженная в культурных формах, то есть в ориентации на имперский центр как приоритетный источник культурных образцов и влияний» [Миллер 2006: 67].

Ввиду этого, в «Живописной России» отмечается, что русский язык важен и для самих остзейцев, потому что «они хорошо понимают, что без знания этого языка им уже нет надежды на карьеру в России и на удержание за собой влияния на государственные дела» [ЖР: 235]. Таким образом, показано, что, хотя в большей части текста немцы конструируются как образ врага, но все же такой образ еще не полностью затенил тот факт, что остзейцы на протяжении веков составляли значительную часть императорского двора Петербурга и высших офицеров армии. Следовательно, их привилегии исходили от царя и их лояльности России, и, хотя в 1870-е гг. пропаганда, направленная на создание единого пространства немецкой культуры и этноса под руководством единой Германии, существовала также и в Прибалтике, но сторонники такой точки зрения составляли меньшинство среди остзейцев, по крайней мере, до царствования Александра III.

В заключении описания города Дерпта и после отступления о состоянии образования в Прибалтике, текст «Живописной России» дает список важных деятелей Дерптского университета, которые, «прославившись в истории наук и искусств, оказали незабвенные услуги не только своему краю, но и всему отечеству, целой России» [ЖР: 235]. Уроженцы Прибалтийского края оказались экспертами в разных областях науки, подавляющее большинство были остзейцами, как, например, Гельмерсен, Гр. Кейзерлинг и Шмидт, Эйхвальд, А. Ф. Миддендорф, Л. П. Пиренк и Гофман, бывший профессором минералогии РГО. Подчеркивается особенно роль профессора К. М. Бэра. О нем говорится как об «одном из величайших естествоиспытателей нынешнего века; он обнимал своею более чем

полувековую разностороннюю деятельность самые различные отрасли естествознания и оказал науке незабвенные услуги», его работы наиболее ценились в Дании [ЖР: 236]. Среди русских путешественников остзейского происхождения авторы текста отмечают «Коцебу и Крузенштерна, принадлежавших к первым русским кругосветным мореплавателям, и барона Врангеля — знаменитого исследователя восточносибирских частей Северного океана [ЖР: 237]. В области военного искусства также упоминается «имя доблестного защитника Севастополя — графа Тотлебена, который сохранит навсегда за собой одно из первых мест в истории фортификации [ЖР: 237]. Список заканчивается замечанием, что из «народных школ, из латышской и эстонской народностей выходят лица, имена которых не утратят своего значения в культурной истории России». Среды эстонских особенно выделяются «Якобсон, талантливый издатель известной эстонской газеты «Sakala»; Гарри Янсен — издатель газеты «Heimat»» [ЖР: 238]. Следует отметить, что К. Якобсона, по мнению Казекалма, можно считаться «руссофилом».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги работы, напомним, что ее целью было изучение конструирования образа Эстонии и эстонцев на материале тома о Прибалтийском крае коллективного этнографического труда «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» (1883).

Анализ истории эстонских территорий в «Живописной России» представлен как конфликт между туземцами и немецким элементом. Первые показаны как естественные подданные России, по крайней мере, с XI-го века, потому что первые восточнославянские князья собирали дань на этих землях. Завоевание Прибалтики немцами, а позднее поляками и шведами рассматривается как оккупация исконно русских земель, которые были окончательно присоединены к России благодаря Северной войне. Таким образом данный регион трактуется как фундаментальная часть Российской империи, которая обеспечивает ей «окно в Европу». Привилегии, гарантированные Петром Великим немецким дворянам, оправданы тем фактом, что царь на самом деле не знал о размерах этих привилегий и о том, как землевладельцы несправедливо относятся к местному населению.

Этнографический очерк «Живописной России» составлен согласно этнографическим свидетельствам, собранным и изложенным по программам К. М. Бэра, Н. И. Надеждина и Русского географического общества, с применением метода бинарной оппозиции и сравнения. Этнографические данные используются для того, чтобы показать сравнение между древними эстонцами и эстонцами современного «Живописной России» периода. По мнению авторов издания, оба сохраняют некоторые неизменные характеристики, хотя современные эстонцы начинают отличаться благодаря более высокому уровню образования (вводимого при поддержке русских). Чтобы подчеркнуть особенные характеристики эстонцев, дается их сравнение с латышами, и функция древних латышей в этом сравнении заключается в создании образа «своего чужого» - образа народности, более похожей на славяно-русских. Неизменная характеристика, которая оказалась наиболее важной в современных эстонцах, с точки зрения «Живописной России», - это антинемецкие настроения. Упрямая, мстительная и воинственная природа эстонцев никогда не позволяла им принимать многовековое рабство.

Описание современных эстонцев начинается с анализа крестьянского вопроса в Прибалтийских губерниях, где коренное население почти полностью являлось сельским. Таким образом показано, что оппозиция по отношению к остзейским хозяевам носила не только культурный характер, но имела социально-экономическую и религиозную природу, что подчеркнуто сильным желанием туземцев принять православную веру в 1840-х гг.

Начиная со второй половины 19-го века, во время национального пробуждения, коренные жители начали осознавать свою национальность, и этот факт был признан положительным на страницах «Живописной России». Однако их идентичность всегда представляется как часть «многоплеменного Отечества», т.е. Российской империи. Авторы «Живописной России» выступают за приобщение коренных народов к русскому языку и культуре, против онемечения, которое было наиболее активным после 1862 года из-за того, что народные школы были в основном немецкими и лютеранскими. Согласно «Живописной России», местная культурная элита, которая выражала свое мнение в различных газетах на эстонском языке, поддерживает этот проект и противопоставляет себя остзейцам.

В конце при описании Реваля (Таллинна) показан типично европейский город с богатой историей, связанной с немецкой культурой, хотя в древние времена он начинался как эстонский. В «Живописной России» особенно подчеркнуто, что дворянство и немецкоязычное городское население обязаны своими привилегиями царям; они показаны как верные подданные российской короны. Описание города Дерпта (Тарту) показывает связь с русским элементом с момента основания города, что исторически оправдывает для авторов «Живописной России» принадлежность этих земель России. Роль университета является фундаментальной. При его описании не подчеркивается его немецкий характер, а оценивается его работа на благо отечества, благодаря имперским привилегиям. Вопрос об образовании является функциональным, чтобы указать опасность германизации и сближения эстонцев с прибалтийскими немцами. Самостоятельное развитие эстонской культуры за пределами Российской империи кажется авторам маловероятным. Они полностью поддерживают имперскую концепцию «неделимой России».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

1. ЖР – Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под ред. П.П. Семенова. СПб. – М., 1883. Т. 2. Ч. 2: Северо–Западные Окраины России. Прибалтийский край.

II

2. Бэр 1846 – *Бэр К. М.* Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // Записки Русского географического общества. 1846. Кн. 1. С. 93 - 115.
3. Б/А Библиофильское издание 2008
//URL:http://antiqubooks.com/dlya_antikvara/zhivopisnaya-rossiya/ (дата обращения 10.5.2018).
4. Васкул 2012 - *Васкул А. И.* Этнографическая программа Русского географического общества // Русский фольклор. СПб., 2012. Т. 36.
5. Дворниченко 2010 – *Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010.
6. Иванова 2011 – *Иванова Ю.* Эстонцы в русских этнографических описаниях (в сопоставлении с соседними народами). Бакалаврская работа. Тарту, 2011.
7. Исаков 1961 – *Исаков С. И.* Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов / Ученые записки Тартуского гос. университета. Тарту, 1961. Вып. 107.
8. Касекамп 2014 – *Касекамп А.* История Балтийских государств. Tartu University Press, 2014.
9. Киселева 2018 – *Киселева Л.* Эстонско–русское культурное пространство. М., 2018.
10. Киселева 2009 – *Киселева Л.* Империя как пространство для национального строительства (на примере одного издания) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII. Новая серия. Тарту, 2009.
11. Киселева 2011 – *Киселева Л.* Литературная составляющая в имперском национальном проекте // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, XII: Мифология культурного пространства. Тарту, 2011.
12. Лескинеи 2010 - *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.

13. Лескинен 2012 - *Лескинен М.В.* Концепт национальный характер/ нрав народа в российской науке второй половины XIX в.: дефиниции, способы выявления, функции // Диалог со временем. В потемках души: путешествие, характерологии, идентичность. М., 2012.
14. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1907 - Гак // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 4 т. СПб., 1907. Т. 1.
15. Миллер 2006 – *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
16. Надеждин 1847 - *Надеждин Н. И.* Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского Географического Общества. СПб., 1847. Кн. 2. С. 107—117.
17. Соловьев 1851—1879 – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1851—1879 <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/soloviev/solovlec.htm> (дата обращения 19.12.2019).
18. Токарев 2015 - *Токарев С. А.*, История Русской Этнографии, Институт Русской Цивилизации, М., 2015.
19. Уортман 2004 – *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2004.
20. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона 1904 – Эсты //Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907.
21. Anderson 1991 (1983) – *Anderson B., R. O'G.* Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London, 1991.
22. Bojtár 1999 – *Bojtár E.* Foreword to The Past: A Cultural History of the Baltic People. Central European University Press, 1999.
23. Christiansen 1997 – *Christiansen E.* The Northern Crusades. New York: Penguin Books, 1997.
24. Chronicle of Novgorod - Chronicle of Novgorod 1016-1471. London, Camden Third Series, W.C. 1914.
25. Frost 2000 - *Frost R., I.* The Northern Wars. War, State and Society in North-Eastern Europe 1558-1721. Harlow: Longman, 2000.
26. Haavio 2015 – *Haavio M.* Splendore e scomparsa del regno di Biarmia. Vociferidiscena: Viterbo, 2015.

27. Heapost 2016 – *Heapost L.* We and others. Physical anthropology of Finno-Ugric peoples // Papers on Anthropology, XXV. № 1. Tallinn, 2016. P. 93–103.
28. Jürjo 2012 – Jürjo, Indrek. Agrarian reforms and economic innovations // http://www.estonica.org/en/History/1710_1850_The_Baltic_Landesstaat/Agrarian_reforms_and_economic_innovations/ (последний просмотр 11.02.2020)
29. Karjahärm 2010 - *Karjahärm T.*, Terminology Pertaining to Ethnic Relations as Used in Late Imperial Russia // Acta Historica Tallinnensia. Tallinn, 2010. № 15.
30. LR – Cronaca rimata della Livonia – Livländische Reimchronik / Edited by Piero Bugiani. Editore Vocifuoriscena, 2016.
31. Montesquieu 2004 – *Montesquieu.* Saggio sulle cause che possono agire sugli spiriti e sui caratteri, a cura di D. Felice, Edizioni ETS, 2004.
32. Schmitt 2006 (1950) – *Schmitt C.* The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum. New York: Telos Press Publishing, 2006.
33. Sutrop 2004 - *Sutrop U.* Taarapita - the Great God of the Oeselians // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 2004. P. 27-64. <https://www.folklore.ee/folklore/vol26/sutrop.pdf> (последний просмотр 11.02.2020).
34. Tacitus – *Tacitus.* De origine et situ Germanorum / Transl. by J. G. C. Anderson. Oxford, 1938.
35. Tylerman 2009 – *Tylerman Ch.* God’s War: A New History of the Crusades. Cambridge, MA: First Harvard University Press, 2008.
36. Urban 1983 – *Urban W.* The origin of the Livonian War 1558 // Lituanius: Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. 1983. Vol. 29. No. 3.
37. Urban – *Urban W.* An Historical Overview of the Crusade to Livonia // https://department.monm.edu/history/urban/articles/historical_overview_of_the_crusades_in_the_baltic.htm (последний просмотр 11.02.2020).
38. Urban 1998 – *Urban W.* Victims of the Baltic Crusade // Journal of Baltic Studies. 1998. Vol. 29. № 3.

SUMMARY

Construction of an Image of Estonia and Estonians in the “Zhivopisnaya Rossiya” / “Picturesque Russia“

This study aims to analyze the construction of the image of Estonia and Estonian people based on the data provided by the volume concerning Baltic governorates of the collective ethnographic work “Picturesque Russia. The fatherland in its territorial, historical, national, economic and domestic importance”, which was published in Russia in the second half of the 19th century. The intention of this publication was, on the one hand, to describe all administrative units of the Russian Empire, with the provision of ethnographic, historical, statistical, and economic information. On the other hand, it involves the creation of a “mental map” of each territory, with an attempt to create a specific image of the described object for the reader, which included a specific image of a particular national or ethnic group. In this work, I examined how the image of Estonian nationality is constructed in the second part of the second volume of “Picturesque Russia”.

The thesis is composed of three chapters, each of them dealing with different aspects of the constructed identity. It focuses on the way this identity is depicted, investigating which conception the authors pursued in the depiction of Estonian people and Estonia, and their role in the Russian Empire in the second half of the 19th century.

Chapter 1 “The history of Estonia in the essay “The Baltic region in historical terms” in “Picturesque Russia”” deals with the description of the history of Estonia according to the first essay of “Picturesque Russia”, in the context of the general history of the Baltic region.

Chapter 2 “Estonians as a nation in the essay “The indigenous population of the region” in “Picturesque Russia”” examines the third essay of “Picturesque Russia”, which is the most ethnographic one. Here I reported ethnographic concepts and programs in Russia in the first half of 19th century.

Chapter 3 “The current state of the Estonian region in the description of “Picturesque Russia”” provides an outline of the Estonian people and Estonian cities in the modern era contemporary of “Picturesque Russia”, based on three different essay of the publication.

Based on the results of this research, it can be concluded that for authors of “Picturesque Russia” Estonian territory appears to be a natural part of Russian Empire, since at least the XI century. The publication distinguishes between ancient and modern Estonians: their common trait turns out to be an aversion to the German element. The latter is used as image of the enemy, against whom Estonians stand with the support of Russian State. The future of the Estonian nation is seen entirely inside the Russian Empire, which would help them to preserve their language and culture from the

thread of Germanisation. The period of the national awakening is described in the publication as a confirmation of the unit of Estonians and Russians.

Non-exclusive licence to reproduce thesis and make thesis public

I, Giuliano Gajetti

1. herewith grant the University of Tartu a free permit (non-exclusive licence) to reproduce, for the purpose of preservation, including for adding to the DSpace digital archives until the expiry of the term of copyright,

Constructing an image of Estonia and Estonians in the edition “Zhivopisnaya Rossiya” (Picturesque Russia)

supervised by Prof. Ljubov Kisseljova

2. I grant the University of Tartu a permit to make the work specified in p. 1 available to the public via the web environment of the University of Tartu, including via the DSpace digital archives, under the Creative Commons licence CC BY NC ND 3.0, which allows, by giving appropriate credit to the author, to reproduce, distribute the work and communicate it to the public, and prohibits the creation of derivative works and any commercial use of the work until the expiry of the term of copyright.
3. I am aware of the fact that the author retains the rights specified in p. 1 and 2.
4. I certify that granting the non-exclusive licence does not infringe other persons' intellectual property rights or rights arising from the personal data protection legislation.

Giuliano Gajetti
12/02/2020